

Вадим Сухачевский

Сын палача

Остросюжетный детектив

16+

Вадим Сухачевский

Сын палача

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сухачевский В. В.

Сын палача / В. В. Сухачевский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга является продолжением романа «Экс-доцент». Его герою Васильцеву навязывается страшное соревнование, где он все время – на волосок от гибели. Действие происходит в 1939 году, и тогдашние спецслужбы также вовлечены в происходящие события. Роман относится к жанру остросюжетного детектива, где разгадка тайны дается только в самом конце и оказывается невероятной...

© Сухачевский В. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Часть первая
Вызов

Глава 1
Сов. секретно

Еще с утра у капитана государственной безопасности Огурцова было вполне хорошее настроение. Да по утрам оно у него всегда было недурственным – когда оглядывал этот большой лубянский кабинет, доставшийся ему в наследство от майора Чужака. Это не то что прошлая конура, в которой сиживал, нося еще лейтенантские погоны, с двумя другими лейтенантами, которые, может быть, просидят в той конуре до самой пенсии.

А теперь и погоны, хоть и не майорские пока, но уже капитанские, от них и до майорских недалеко, а это уже будет высший комсостав. И должность у него теперь соответствующая, та же, что была у Чужака.

Кстати, покойному майору государственной безопасности обещали присвоить звание старшего майора, а чем он, Огурцов, хуже?

Да уж лучше, поди!

Потому как майор Чужак нынче где то червей кормит, а он, Огурцов, – вот он! Живехонький! Наблюдает себе, как солнышко всходит за этим большущим окном! И у начальства, кажись, пока в фаворе, вон, лично Лаврентий Павлович три раза к себе по сов. секретным делам вызывал.

И бабы его любят! А чего ж его такого и не любить? Молод, статен, в хороших чинах!

И со спиногрызами этими у него все покамест тип топ...

Тут, правда, капитан Огурцов на миг придержал свою радость. Смутные они, эти подземные спиногрызы: нынче у них так, а завтра у них совсем даже эдак. Порой настолько эдак, что не приведи господь: с майором Чужаком невесть что сотворили, а тоже ведь был уж насколько верный их человек!

Ну, крысятничал, правда, сверх меры, не любят они, ох не любят они этого.

В данном смысле он, Огурцов, не такой, он свою меру всегда знает, потому со спиногрызами ссориться ему вроде бы не с чего.

И вообще, лучше о них, о спиногрызах, лишний раз не думать (к чему капитан себя уже и начал приучать). Ты в окошко лучше смотри, солнышку восходящему радуйся да представляй себе, как красиво ромбик майорский у тебя на петлице вскорости смотреться будет. «А кто это шагает по коридору?» – «А это, брат, сам старший майор Огурцов!» – «Ох ты!» – «Во во! И ты уж смотри, поаккуратней с ним: большой человек, далеко пойдет!»

Хорошо!..

* * *

Настроение у капитана Огурцова испортилось только после полудня, когда секретарша Любочка принесла сов. секретную докладную записку от начальника пересыльного лагеря, что в порту Ванино. Убёг у них, понимаешь, зэк один. Мало у нас по всей нашей необъятной Родине зэков этих бёглых – обо всех, что ли, прямо сюда, на Лубянку, писать надо? Тут у людей, понимаешь, делов других нет, как только бёглых зэков ловить!

Хотел было капитан Огурцов тому ванинскому начальнику позвонить по прямому и сказать ему, на какую букву тот называется, уже даже и трубку снял, однако, еще раз мельком взглянув на ту докладную и сообразив наконец, что это за такой беглый зэк образовался, трубочку то сразу и положил.

Фамилия этого зэка была Непомнящий, имя Викентий, парнишка семнадцати годков. Вроде невелика фигура, но в том то и фокус, что проходил этот паренек по делу вражеского центра (уже, слава труду, разгромленного) под названием Тайный Суд, и был не больше не меньше, как сыном палача этого самого Суда, тоже Викентия, не столь давно умершего страшной смертью – кто то приколотил его железными костылями к стене, отчего тот и сдох. А уж кто так над ним постарался, то ли наши, то ли Суд этот самый, то ли (тьфу тьфу!) спиногрызы – иди теперь гадай.

По правде, знать этого капитан Огурцов и не хотел. А вот насчет паренька...

Занимался тем Викентием младшим (слыхано ли?!) самолично народный комиссар Лаврентий Павлович Берия, он то и спровадил паренька на Колыму, золотишко рыть для нашей Родины. Сразу бы к стенке – и не было бы нынешней мороки.

Но капитан Огурцов знал, что товарищ народный комиссар имеет на такие дела свой взгляд. Зачем сразу к стенке? Пусть ка месяца три повкалывает на золотодобыче, а дольше там, на Колыме, как известно, и не живут.

Нет, конечно, капитан не таков был, чтобы осуждать действия самого наркома – и все же...

Все же к стенке – оно насколько надежнее!..

Последнюю мысль капитан Огурцов сразу засунул куда подальше как совершенно лишнюю сейчас и задумался о другом: докладывать наркому об этом побеге или ну его (не наркома, а побег, разумеется!)?

Но по здравом размышлении понял, что «ну его» в данном случае никак не проходит – слишком большое значение придавал товарищ народный комиссар Тайному Суду и очень радовался, что тот наконец таки ликвидирован.

Двоих там замочил ихний же сотоварищ, какой то не то кочегар, не то доцент по фамилии Васильцев, а уж судьбой Васильцева этого и его крали, английской, кажись, шпионки, лично сам Лаврентий Павлович озаботился. Велел целый самолет, американский «дуглас», вместе с ними в воздухе взорвать, и поручил это дело не кому нибудь, а самому капитану Хватову, академику, можно сказать, по такой части, так что от тех двоих небось и пыли то не осталось.

«Дугласа», конечно, жаль, ведь за целую кучу валюты в Америке был куплен, но товарищ народный комиссар, если надо, никогда не считался с затратами, и это капитану Огурцову в Лаврентии Павловиче особенно нравилось.

Ни для вражин не скупился, ни для своих. И уже вновь словно бы поглаживал заветные майорские ромбики на своих петлицах мечтательный капитан Огурцов, но тут вдруг снова наткнулся взглядом на эту докладную, и опять совсем смутно сделалось на душе.

Ведь что оказалось? А то оказалось, что какой то говнюк, имеющий отношение к этому странному Суду, теперь гуляет себе на волюшке! Пусть и персона не велика – но ведь нечисто, ах как нечисто вышло! И народного комиссара, хочешь не хочешь, а уведомить придется...

Любочка, машинистка, вошла, как она еще при майоре Чужаке привыкла, без стука:

– Так чё, Борис Витальич, я, как договаривались, чуток пораньше с работы уйду, а то на электричку опоздаю? Пятница у нас нынче, на дачу надо.

И тут капитан Огурцов взорвался, можно сказать, на пустом месте:

– Какой я тебе Борис Витальич! – сорвался он на постыдный петушащий визг. – Обращаться ко мне – товарищ капитан государственной безопасности!.. Распоясались, понимаешь! Я из вас эту чужаковскую вольницу!..

Вытянулась по струнке, вспомнив, что по званию она старший сержант, захлопала глазами:

– Виновата! Слушаюсь, товарищ капитан государственной безопасности!

Сразу капитану стало неловко за этот свой срыв, и он сказал уже намного мягче:

– Ладно, езжай на свою дачу. Только прежде свяжи меня с товарищем народным комиссаром.

Отчеканив: «Есть!» – Любочка строевым вышагала из кабинета.

Когда Огурцов снова снимал трубку, тяжелой она казалась, как горяч камень.

* * *

О побеге Викентия младшего народный комиссар Лаврентий Павлович Берия, однако, уже был осведомлен. Повышать голос на капитана Огурцова он не стал – не его был стиль, – а лишь зловеще тихо проговорил в трубку:

– Поймать чего бы то ни стоило. Головой у меня отвечаешь. – И, не дожидаясь ответного «есть!», дал отбой.

А знал он об этом побеге из отчета, куда более подробного, чем та докладная, полученная капитаном Огурцовым. В частности, в этом отчете говорилось, что этот сучонок палачонок не просто удрал, а перед тем голыми руками задушил волкодава, получил пулю в спину, раненый, обезоружил одного сержанта внутренней охраны (уже, к одобрению наркома, расстрелянного за разгильдяйство), выбил зубы другому (сейчас находящемуся под следствием) и лишь после этого был таков.

Да, выучка, однако, у паренька! Не то что у этих засранцев сержантов.

Но Лаврентия Павловича задел не столько факт, что сержанты охраны там такие поносники, сколько то, что и с волкодавом этот волчонок вмиг расправился. «Небось нач. лагеря не только у охранников и у эков, но и у собак жратву приворочивает, вот они у него и эдакие с недокорма», – заключил для себя народный комиссар.

Он взял трубку и спросил:

– Кто там, в порту Ванино, сейчас начальник пересыльного лагеря?

– Капитан Заяц!

– Заяца этого, – приказал нарком, – немедленно спецрейсом доставить сюда. – И, положив трубку, прошипел: – Заяц, понимаешь!.. Заяц!..

Побег недобитого палачонка был особенно досаден после сов. секретного донесения, которое как раз сейчас лежало у товарища Берия на столе. Составил его сам Юстас, прошло оно в зашифрованном виде через Берлин, Лондон, Женеву, с заездом в Бухарест и Белград, пока не очутилось на столе у Алекса, а уж оттуда, из ГРУ, верные люди передали его народному комиссару.

Это был отрывок из протокола беседы двух британских лордов, проходившей на поле для гольфа неподалеку от Берлина. («А Юстас им, что ли, мячики подавал?» – зло подумал нарком, прежде чем перечитать донесение.)

Сов. секретно

Юстас – Алексу

(Пер. с английского)

...Лорд Лэмсбери. Похоже, Московскому отделению Тайного Суда положен конец.

Лорд Макдональд. Да, после гибели г на Васильцева и г жи Изолской Сазерленд – похоже на то. Как они, кстати, погибли?

Л.Л. Да как... Взорвались в самолете. И ведь, судя по всему, действительно заурядный несчастный случай.

При всем своем раздражении, нарком не смог сдержать довольной улыбки: «А вы учитесь, учитесь, господа лорды, – глядишь, и у вас дело получаться будет, а не только болтовня за игрой в гольф».

Однако ясно: Англия снова что то замутила. Она всегда против нас чтонибудь мутит...
Ладно, дальше... Ну, несколько страниц малоинтересной говорильни...
Ага! Вот!

Л.М. ...Правда, остался еще один, кто мог бы по праву рождения...
Л.Л. Вы про сына Викентия? Но дитя ведь еще совсем!

(«Ага, дитя! Такое дитя, что лагерных волкодавов на части зубами рвет!.. Ну, что там еще?..»)

Л.М. Во всяком случае, никого другого у нас там сейчас нет. И если мы хотим как то возродить отделение...

Л.Л. Да, помощь оказать, видимо, придется. Но сперва хорошо бы проверить этого человека в деле.

Л.М. Может, Люцифера в Россию послать?

Л.Л. Что ж, почему нет... А если он что то неладное обнаружит?

Л.М. Он знает, что делать. Пусть все подчистит...

(Окончание беседы из за проявившейся бдительности охраны прослушать не удалось. Кажется, говорилось о конкретной помощи, которую они намерены оказать упомянутому объекту. – Юстас.)

Еще, понимаешь, и Люцифера какого то выдумали! А «объект» был – вот он, туточки. Уже через два дня должен был отбыть из порта Ванино на Колыму.

Еще нарком подумал о Юстасе: экий все же хват! Вон, и с лордами он вась вась, и в Берлине в чинах немалых, какой то там... как это по ихнему... хрен фюрер. Много, ох много, должно быть, знает, сукин сын.

А кто много знает, тот, как известно, долго не живет. Похоже, зажился этот Юстас на белом свете. Хорошо бы вызвать его сюда, в Москву, – да и...

Нет, пока нельзя! Из Берлина присылает ценные сведения Самому, при нынешней политической обстановке Коба его в обиду, пожалуй, не даст.

А время пропустить – очутится он гденибудь в Японии, как этот... как его?.. Рамзай, – выковыривай его потом оттуда!

Ладно, решил наконец народный комиссар, все это дела не сегодняшнего дня, и снова взглянул на донесение из Ванинского пересыльного лагеря.

И не то чтобы появление этого недобитого палачонка как то пугало народного комиссара, – не таких, поди, видывали, – но то, что какая то крохотная какашка все таки осталась от этого Тайного Суда, лишало мир той гармонии, к которой он, нарком, привык: искоренять – так начисто!

А тут, понимаешь, какой то капитан Заяц...

И не многовато ли чести этому Заяцу – везти его за народные денежки спецрейсом, чтобы шлепнуть здесь, в столице Родины? Дороговато выйдет. Да и смысл? Там, в Ванино, что ли, стенок не хватает?

В сущности, капитан Огурцов не ошибался – народный комиссар, когда доходило до дела, не скупился, но и бессмысленно расточительным все таки тоже не был, поэтому он снова взял трубку и сказал:

– Вот что. Я передумал. Зайца этого в Москву не надо везти.

– А куда его?

– Шлепнуть вражину прямо там, в Ванино.

– Есть!

* * *

Копии тех документов, которые просматривал народный комиссар, лежали сейчас и на столе у майора государственной безопасности Н. Н. Николаева. Люди, работавшие на этом тихом этаже лубянского здания, знали обо всем, что происходило в стране, ничуть не меньше, чем сменявшие друг друга народные комиссары, если даже не поболее. Их фамилии и инициалы не блистали разнообразием. В соседних с Н. Н. Николаевым кабинетах трудились И. И. Иванов, П. П. Петров, А. А. Антонов и т. д., и были они в действительности такими же ивановыми, петровыми, антоновыми, как Н. Н. Николаев – Николаевым. Свои родные имена и фамилии многие из них почти забыли – и вовсе не оттого, что были такими беспамятными, а просто успели поменять столько всяческих имен, что не имело смысла докапываться до того, первого, полученного когда то при рождении.

Что же касается сов. секретных документов, попадавших к ним в руки, то добывать их здесь, в Москве, было для этих людей занятием, в сущности, привычным; ничуть не менее секретные документы они добывали не один раз – кто в Берлине, кто в Лондоне, кто в Бухаресте, кто в Токио.

Впрочем, было кое что, известное только майору Н. Н. Николаеву. Он один знал, что Юрий Васильцев и Екатерина Сазерленд живы. Знал это потому, что некогда послужил им ангелом хранителем, предупредив о взрыве того самолета и передав парашюты.

Зачем поступил именно так? Он мог бы дать тому разные объяснения, но только одно объяснение прятал даже от самого себя как слишком сентиментальное для опытного разведчика: эти двое были просто напросто по человечески симпатичны ему. Может, в тот момент вообще действовал даже не он, а романтически настроенный юноша по имени Митенька, еще не успевший побывать китайцем Синь Дзю, румыном Антонио Петреску, французом Эженом Дени, наконец, снова русским, но уже под именем Н. Н. Николаев? (Эти «Н.Н.» он почему то даже в мыслях неизменно приставлял к своей нынешней, не родной, фамилии.)

Впрочем, нет, была и другая причина его тогдашнего поступка. Он надеялся, что Васильцев и Катя сумеют когда нибудь возродить Тайный Суд, который он, Н. Н. Николаев, считал благом для Отечества – того Отечества, которому, несмотря на некоторую самостоятельность со своей стороны, продолжал служить верой и правдой.

Сколько мрази, сколько самых настоящих мародеров творят свои гнусные делишки под прикрытием НКВД! И никто никогда их не тронет: кто ж это осмелится?

А вот этот самый Тайный Суд взял да и осмелился! От скольких негодяев с высокими званиями уже освободил мир!..

Но прошли месяцы, а Тайный Суд так и не возрождался. Н. Н. Николаев по своим каналам выяснил, что Васильцев и Катя нынче проживают где то в глубинке, за Уралом, и явно не собираются возвращаться к делам Суда.

Да по правде сказать, они теперь не так уж и нужны были майору Н. Н. Николаеву. Теперь Тайный Суд был своеобразным *maquis*, под которым могли действовать люди, гораздо более подготовленные.

Майор А. А. Антонов и старший майор П. П. Петров относились к здешним лубянским мародерам так же, как он, Н. Н. Николаев, и подготовлены были ничуть не хуже, чем он. Чего стоило устранение капитана Курицына, мародера из мародеров, погибшего (надо же!) в результате самовозгорания, или насильника малолетних майора Жумайло, пораженного (гляди ж ты!) шаровой молнией. Теперь в конторе долго до причин не доискивались, все мигом списывалось на этот Тайный Суд.

Нынче на очереди были комиссар госбезопасности 3 го ранга Палисадников и старший майор Недопашный. Оба имели отношение к отвратительному проекту «Невидимка», нынче вроде бы закрытому. Когда он, Н. Н. Николаев, узнал, что они там выделяли с детьми, даже он, привычный ко всему, не сразу поверил.

Между ними троими – Н. Н. Николаевым, П. П. Петровым и А. А. Антоновым – насчет судьбы того комиссара 3 го ранга и того старшего майора все уже было решено, акцию можно было проводить хоть завтра, но в связи с побегом сына палача майор Н. Н. Николаев решил на какое то время притормозить с исполнением.

Нет, не просто так сбежал с пересылки Викентий младший! Наверняка будет теперь разыскивать Катю и Васильцева. А дальше...

Что будет дальше, Н. Н. Николаев угадывать не стал – он был не из тех людей, которые в своих действиях опираются на догадки.

Он снял трубку внутреннего телефона, набрал двузначный номер старшего майора П. П. Петрова и произнес несколько ничего вроде бы не значащих слов. Для Петрова они означали: операция по устранению Палисадникова и Недопашного пока на неопределенное время откладывается.

– Любопытно, любопытно... – все еще держа в руке гудящую трубку, проговорил майор Н. Н. Николаев вслух.

Эти слова относились теперь уже к легендарному Люциферу, которого, судя по разговору двух английских лордов, скоро должны были забросить сюда, в СССР. Года два назад его уже забрасывали сюда, и он сумел таки, сделав свои дела и убив с дюжину народу, благополучно убраться восвояси.

Да, Люцифер – это вам не какой нибудь потерявший от наглости всякую бдительность мародер из НКВД. Люцифер опасен по настоящему. Придется, пожалуй, Катю, Васильцева и этого Викентия, сына палача, как то подстраховать. В любом случае игра, похоже, будет интересной. А вот кто выйдет из этой схватки победителем...

И майор Н. Н. Николаев, кладя телефонную трубку, еще раз произнес:

– М да, любопытно...

* * *

Викентий лежал на опавшей таежной листве, дрожа от озноба. Виною этому ознобу была не подступающая осень – холод он с детства привык переносить, – а пулевая рана в боку, полученная при побеге. Ничего, это он тоже как нибудь перенесет, тем более что рана, к счастью, оказалась сквозная.

Сильнее, чем бок, болела левая рука – это уже от собачьего укуса. С той овчаркой он справился в точности как учил покойный Викентий старший. Когда собака находится в прыжке, надо поставить поперек левую руку, чтобы псина вцепилась намертво, и тогда, подняв эту псину, ударить ее большим пальцем правой руки в солнечное сплетение. Собака от этого сразу валится в бессознание, и тогда уже ее можно – палкой, ногами, ножом...

Тут что самое опасное: у иных собак зубы заразные бывают, тогда ему, если не принять мер, в скором времени хана. Вон уже рука и пухнуть начала очень по нехорошему. Неужто скоро ему кирдык?..

Превозмогая слабость, парень обшарил километров пять тайги, пока не нашел то, что было нужно: корень женьшеня. Тоже старший Викентий научил – и как искать, и что с ним дальше делать. Разжевал целебный корень зубами и получившуюся кашку запихнул поглубже во все раны, и от пули, и от собачьих зубов.

Ничего, уж теперь то он, пожалуй, и выживет!

Но всего лишь просто выжить ему, однако, было мало, не для того он пустился в эти бега. Теперь, когда сбежал, предстояло главное: возродить то, к чему его готовили, то, ради чего жил и погиб старший Викентий, то, без чего этот мир будет вовсе бессмыслен. Это главное было обозначено в его голове двумя словами: Тайный Суд.

Хорошо бы все таки найти Васильцева с этой его девахой. Правда, в прошлый раз при встрече они послали его куда подальше. Тогда он злился на них, но потом злиться перестал. Почему, собственно, они обязаны были вот так вот с ходу поверить ему? В сущности, они даже поступили вполне правильно: кто он для них такой? Надо, чтобы они увидели его в деле, – вот тогда поглядим!..

Но вопрос – где их теперь искать? Вряд ли они до сих пор сидят там, в квартире на Тверской, и его ждут.

Но если живы – он все равно их найдет! И уж заставит поверить!

Если только они живы...

А если нет?..

Что ж, он сам возродит Тайный Суд, он, Викентий второй. Он сделает это, чего бы то ни стоило!

Но все же первое дело – выбраться отсюда. В голову даже пришла шальная мысль: что, если взять да и угнать самолет? Тут, судя по гулу, аэродром где то неподалеку...

Нет, конечно, глупость! Не выйдет... Придется, как учил Викентий: *per pedes apostolorum*.

Правда, апостолам, поди, не приходилось преодолевать десять тысяч верст тайги... Ничего, он то уж какнибудь выдюжит!

А пока – спать. Зарыться в гнилую листву – и спать. К утру женьшень сделает свое дело, и можно будет начать путь.

С каждой минутой сон забирал все прочнее. И вот он – уже не он, а какой то Федька с Сухаревки.

Федька Федуло...

Федька – голова как редька...

И кто то – судя по голосу, Минька Прыщ – издали кричит:

– Эй, Федуло! В ухо надуло?

Глава 2

Стопами апостолов

– ...Федуло – в ухо надуло!..

Вдруг совсем рядом раздался взрослый голос:

– Тебе что, правда в ухо надуло, парень?

– А тебе, дядя, никак в другое место надуло? – спросил Федька с привычной, уже ввевшейся в него, как смоляная сажа, грубоватостью и лишь затем приоткрыл глаза.

Подошедший был, судя по виду, деляга тот еще: здоровенного роста, в бежевом плаще, в начищенных башмаках, в бежевой, под цвет плащу, фетровой шляпе. На эдакого всем скопом навалиться где нибудь в подворотне, раздеть да продать все это здесь же, на Сухаревке, – мешков на пять картошки небось потянет, эдак и зиму можно перезимовать, не помереть с голодухи.

Однако подумал об этом Федька так, безотносительно, в мечтаниях одних лишь. Ибо – ну и здоров же был этот Бежевый! Если к полдюжине таких горе богатырей, как он, Федька, еще полдюжины наподобие Миньки Прыща прибавить, ему, Бежевому, с ними управиться – все равно что дюжину тараканов раздавить.

Но на Федькину грубость Бежевый отозвался вполне даже миролюбиво:

– Если правда надуло, – сказал он, – то пойдем, я тебе мазь дам согревающую, может, подлечишься.

Ох, наслышан был об эдаких добреньких дядечках Федька. Из их брата, из беспризорников, одни, поддавшись на чужую доброту, уже Беломорканал роют, а над другими вообще вытворили такое, что и подумать тошно. Плохо тут, в Москве, верилось в бесплатную доброту. Настоящие добренькие – Федька так полагал – небось еще при царе Николашке Кровавом все перемерли. Не для добреньких времена нынешние.

Впрочем, Бежевый был похож лицом на доброго по настоящему, такие хоть и изредка, а тоже все таки иногда попадались. Старушка вот одна была – в прошлом году за так печеньем два раза его угощала.

Где она, интересно, сейчас? Должно быть, уже на кладбище. Добрые – они долго сейчас на свете не больно то живут.

Мазь для ушей Федьке нужна была, как мартовскому зайцу клизма. Это Минька приду-мал: раз он Федуло – значит, и «надуло».

Но Бежевому говорить этого он не стал, а лишь протянул – голосом на всякий случай уже не грубым, а слезно жалостливым:

– Вы мне, дядечка, лучше рупь дайте – я сам чего надо куплю... (Про себя же подумал: «А вот мы и проверим, какой ты добренький!»)

Гляди ж ты!..

– Держи, – сказал Бежевый, и рублевка тут же очутилась у Федьки в руке. – А мазь все таки – пошли, дам, – добавил он. – Да не бойся ты, я доктор. Читать то умеешь?

– Ну – так... – ответил Федька неопределенно. Вообще то он читать умел, даже выпуски про Шерлока Холмса читал втихаря, но скрывал это от остальных мазуриков, чтобы не засме-яли, не любят здесь больно то грамотных.

– Тогда читай. – Бежевый протянул ему какую то небольшую бумаженцию.

На ней было написано: «Доктор Непомнящий Викентий Иванович. Ул. Мясницкая, дом 8, вход со двора. Прием с 2 часов дня до 6 часов вечера».

– Так что не бойся, парень, пошли, – кивнул Бежевый. – Заодно и борщом горячим накормлю.

Если по правде, то уже месяца два у Федьки в брюхе горячего не было, ежели тепло и потреблял, так только через спину, от этого котла с кипящим варом. Да и бумажка, что доктор, все таки как то успокаивала...

Эх, все одно пропадать! А с борщом в брюхе – глядишь, выйдет еще и побарахтаться на этом свете малость... Так думал Федуло, уже шагая за Бежевым, держась, понятно, чуть на расстоянии, потому что был с понятием: не дело для доктора рядом с таким мазуриком по городу идти.

* * *

Хоромы на Мясницкой у доктора были прямо таки буржуйские. Имелась даже ванная с беломраморным корытом. Федуло слышал про такие: вон тот красный крантик повернешь – и на тебе сразу же горячая вода, потому что титан уже растоплен и впрок, не жалея угля, ту воду греет.

В ванную Бежевый завел его не случайно.

– Тебя, – усмехнулся он, – эдакого то чумазого, и на кухню пускать нельзя. – Ты давай ка, братец, сперва... – Пустил горячую воду, мочало и мыло хорошее, цветочное принес да шмотки какие то – не новые, но вполне чистые. – Как отмоешься, – сказал, – переоденься. А старое положишь сюда, в мешок, – еще сгодится.

Тоже оказался с понятием: не выкидывать же, вправду, старое шмотье. Эта душегреечка на рыбьем меху, хоть и вся в смоле, а уже вторую зиму его, Федьку, спасала.

За понятие Федька его отблагодарил тем, что отмыл себя без обмана. Чуть не весь кусок мыла извел, даже голову помыл, чего уже года, наверно, полтора не делал. А мочалом – только что кожу с себя не содрал заживо.

Сам чистый, в чистом тоже шмотье, почувствовал себя Федька Федуло прямо ни дать ни взять буржуём. А горячим борщом уже тянуло из кухни, ох как тянуло! И по запаху не ошибешься: с мясом был тот борщ, точно, с мясом!..

Вот что, правда, малость удивило: никакой прислуги у этого буржуа, Бежевого, в квартире его буржуйской не имелось. И борщ сам наливал, и хлеб резал сам. Зато как наливал, как резал! Наливал половником, большущим, как ковш, и таких половников три штуки в тарелку вбухал. А каждый ломоть хлеба отрезал в два пальца толщиной! Это по теперешним то карточным временам!..

Однако счастье такое свалилось на него, на Федьку, оказывается, все таки не задаром. Когда он уже дохлебывал борщ, Бежевый (хоть он плащ свой и снял, но Федька про себя называл его так же, как окрестил с самого начала – Бежевым), – так вот, этот Бежевый вдруг сказал:

– Ухо я тебе, Федор, сейчас подлечу; только помощь мне твоя потом потребуется. А за это и впредь столоваться у меня будешь. И денжат буду тебе немного подбрасывать, по трешнице, скажем, в неделю... А надобно мне только одно – чтобы ты проследил за одним человечком...

У Федьки в голове промелькнуло: неужто фартовый он, этот Бежевый? А его, Федулу никак себе в наводчики хочет приспособить... Для любого мазурика счастье – к фартовому люду прибиться, – а ему отчего то колко стало сидеть на табурете...

Но фартовый – это еще что! А чего доброго, работает Бежевый в ГПУ и желает какогонибудь хорошего человека упечь на Соловки. Федька как подумал – уже ни борща, ни трешницы ему не хотелось. Не приносят они счастье, иудины деньги.

Но, оказалось, следить надо за типом одним, которого давно бы удавить следовало. Про этого типа по прозвищу Упырь знали все мазурики на Сухаревке. Да упырем он, в сущности, и был самым настоящим! Иногда (тоже вот, кстати, денжат или борща посулив) заманивал к себе когонибудь из мазуриков, и потом иного из них находили...

То есть трупешник его находили. Да в таком виде... Федька однажды увидел – его чуть не вырвало.

Зачем этот Упырь понадобился Бежевому, было неясно, но последить за ним, да еще за трешницу... Отчего ж не последить! Да и дело нехитрое: сиди, как прежде, грейся у своего котла, только не забывай втихаря за Упырем, если он появится, все время приглядывать. А вечером возвращайся на Мясницкую к Викентию Ивановичу, докладывай, видел ли Упыря, и получай свою тарелку борщепкого с мясом да еще и деньги в придачу.

Чудеса!.. При таком довольствии, да ни за что, он, Федька, эту зиму уж точно какнибудь перекантует, не помрет!..

Впрочем... ..

А что, если этот Викентий – легавый с Петровки, а то и с Лубянки? Тогда, коли мазурики узнают, к кому он по вечерам захаживает, живым, поди, утопят или в том же котле, или в говенной жиже. Не то что эту зиму не переживешь – и до зимы то навряд ли дотянешь, тут уж никакой борщепкий не спасет. Так что умом думай, Федуло, коли вправду жить хочется...

Он и думал, подчищая тарелку ломтем хлеба.

Бежевый тем временем посмотрел в окно, откуда просматривался весь двор, и вдруг вид у него стал хмурым.

– Похоже, придется нам прервать наш разговор, – вздохнул он. – Ступай ка ты покуда вон туда, в кабинет, и закрой хорошенько дверь. После поговорим.

Федька, перед тем как встать, тоже глянул в окно и увидел, что через двор к подъезду идет однорукий, пустой рукав телогрейки был у него засунут в карман. На душе сразу стало совсем погано, потому что этого однорукого он знал – кто то на Сухаревке тайком ему показывал.

То был бандюга одиночка, который звался Клешня, – пожалуй, самый страшный человек из всех, о ком Федька Федуло когда либо слышал. Поскольку уцелевшей своей клешней (давшей ему и прозвище) стрелял через карман из нагана без раздумий и всегда без промаха. Делал это обычно, когда бывал трезв, хотя трезвости в себе на дух не переносил, от нее становился злым, как дьявол. Если на Сухаревке углядывал Клешня, что у кого то кошелек с деньгами, – всё, можно тому гроб заказывать. Зато сам Клешня к вечеру будет пьяный и безопасный до следующего утра.

– Если к вам – не открывайте ему, дяденька, – предупредил Федька.

Но тот на него, на Федьку же, и озлился:

– Я тебе что сказал? А ну марш в кабинет! – С этими словами крепкой ручищей схватил мальчишку за плечо, проводок по коридору, запихнул в какую то комнату с книжными шкафами и закрыл за ним дверь.

В ту же минуту во входную дверь позвонили, и Бежевый пошел открывать.

Федька сжался, притих, ожидая, что вот сейчас гроыхнет выстрел...

Выстрела, однако, не последовало. Федька Федуло прильнул ухом к двери и услышал хриплый голос Клешни:

– Вольницкий, не узнаёшь?.. Вспомни, вспомни питерский университет, а потом, уже при совдепах, московский цирк... Ты там – борцом, а я – одноруким Вильгельмом Теллем: пулей из нагана яблоко с головы у ассистентки сбивал. Ну что, теперь узнал? – И что то добавил не то на немецком, не то на французском.

– Я сразу тебя узнал, Долин, – сказал Бежевый. – Что ж, давай проходи.

Вот оно как! Значит, по фамилии он не Непомнящий вовсе, а какой то Вольницкий!.. Это ладно бы еще; но Клешня то, Клешня!.. И в университете, похоже, учился, и в цирке служил, и по иностранному, оказывается, разговаривает!

Они вошли в комнату рядом с той, где сидел Федька, и голосов их более не было слышно.

Но долго тут сидеть мальчик не собирался. Если Клешня все же пристрелит Бежевого, или как там его (Непомнящего? Вольницкого? поди разбери), – то затем наверняка обшарит всю квартиру. Тогда уж вторая пуля – ему, Федьке, тут и к гадалке не надобно ходить.

На цыпочках он вышел в коридор, надеясь неслышно выскользнуть из квартиры, но в какой то миг любопытство все таки пересилило страх. Он подкрался к двери соседней комнаты.

Дверь была лишь слегка приоткрыта, и сквозь щель все было хорошо видно и слышно. Лишь сейчас он обнаружил, что в руках у него тяжелая кочерга – видно, попалась под руку по пути, в коридоре. Хотя что эта кочерга против нагана? Тут помощи от нее не больше, чем от кукиша.

Он услышал, как говорит Бежевый:

– В Крыму, значит, руку потерял?

– Да, в двадцатом годике, будь он трижды проклят, – сипло ответил Клешня. – Очнулся – руки нет, а вокруг уже ее величество совдепия. Надел я бушлатик какого то убитого матросика – так и затерялся. Но обо мне то что говорить... Однако ж не думаю, чтобы и тебе спокойно при совдепах жилось – зачем то вон, гляжу, из Вольницкого Непомнящим заделался...

Бежевый между тем поставил на стол рюмки и наполнил их из какой то бутылки с серебряным клювиком.

– За встречу? – предложил он.

– За встречу... – Клешня махом выпил и продолжал: – Только не знаю, господин Вольницкий, он же гражданин (или уже, может, товарищ?) Непомнящий, – к радости ли тебе будет эта наша встреча. Ну как в ГПУ заинтересуются, с чего это дворянский сынок господин Вольницкий стал товарищем Непомнящим?

– Уж это не с твоей ли подсказки?

Клешня усмехнулся:

– Да уж, чай, найдется, кому подсказать.

– Ну и чего же ты хочешь? – довольно спокойно спросил его Бежевый.

– Мог бы и догадаться, – по прежнему усмехался Клешня. – Рассуди, справедливо ль это? Одни в хоромах живут, пьют хорошие коньяки, – он кивнул на бутылку с клювиком, – а другие ночуют невесть где, и даже на рюмку водки иной раз не хватает.

– Так тебе деньги нужны?

– А кому не нужны?

– Что ж... – Бежевый достал из кармана ключ, открыл дверцу какого то железного шкафа. – Сколько тебе? – не оборачиваясь, спросил он.

Клешня, однако, уже держал в руке наган. Сказал насмешливо (а глаза волчьи):

– Это уж я, господин товарищ Непомнящий, сам какнибудь разберусь, сколько мне нужно. Не взыщи, что с тобой не посоветуюсь: как то не привык советоваться с покойниками. Показал, где лежат, – и на том спасибо. Глядишь, ангелы зачтут тебе это на небесах. – С этими словами он взвел курок.

...Никогда Федька и не предположил бы, что способен на такое. С диким воплем он влетел в комнату и со всего размаха ударил Клешню кочергой по руке.

Наган выпал. Но Клешня оказался ловчее, чем Федька ожидал. Гибкий, как змея, он пронырнул под кочергой, избежав следующего удара – уже по голове; ловко эдак перекатился по полу и снова вскочил, уже снова держа в руке наган, теперь направленный на Федьку.

Федька распрощался с жизнью.

Клешня, однако, совершил ошибку, оставив Бежевого у себя за спиной. Тот сделал рукой одно стремительное движение – кажется, удар пришелся по шее, хотя поди заметь, – Клешня рухнул как подкошенный и теперь уже не шевелился. Федька замахнулся кочергой: эту гадину не добить – на второй раз уж точно жив не останешься, но Бежевый кочергу у него отнял.

Сам хочет добить, подумал Федька, однако тот отшвырнул кочергу в сторону.

– Лишнее, – пояснил он.

– Мертвый? – спросил Федька.

– Да живой он, мерзавец, живой, – ответил Викентий (а может, он такой же был Викентий, как и Непомнящий). – Но минут десять, обещаю тебе, будет лежать как мертвый – такова особенность удара по сонной артерии... Кстати, я бы с ним и без тебя справился. А ты, вижу, не умеешь слушать, что тебе говорят. Было тебе ясно сказано – сидеть в кабинете и не высываться!.. Впрочем, – усмехнулся он, – ты повел себя храбро, это несколько оправдывает. – Он зачем то сунул револьвер обратно Клешне в карман и добавил денег, рублей пятьдесят, не меньше.

Федька буркнул:

– Все равно добить его надо. Очнется – обоих положит, это как пить дать.

– Ну, положим, добьешь ты его, – пожал плечами Бежевый, – а дальше то что? Порезать на куски в ванной и раскидать по всей Москве?

При мысли об этом Федьку передернуло. Отвечать он не стал.

– В том то твоя и беда, – продолжал Бежевый, – что не умеешь думать дальше одного шага. Интересно услышать, что еще можешь предложить?

– Вынести во двор и положить с проломанной головой: мало ли кто мог тюкнуть.

– А если со второго этажа увидят, как мы его выносим? Там у окна всегда любознательная одна старушенция сидит, она такого не пропустит.

Федька посмотрел на него с недоумением. В живых он, что ли, вправду, собирается этого бандюгу оставлять? Да еще с заряженным наганом в кармане! Так уж лучше самому на себя удавку надеть.

– А надо, – объяснил Бежевый, – действовать так, чтобы не оставалось ни намека на нашу причастность. Ни даже тени такого намека! Надо уметь выстраивать цепь. Цепь, в кото-

рой неуязвимо каждое звено. В данном то случае, – он кивнул на распластанного Клешню, – цепочка самая простенькая, звеньев всего в пять, ну в шесть. Но иногда звеньев бывает и множество...

Вот когда впервые будущий Викентий второй и услышал про эту самую цепь, которую выстраивает опытный палач Тайного Суда.

Но тогда он был всего лишь Федькой Федулой, поэтому не понял, в сущности, ничего. Нет, одно, впрочем, все таки понял: Клешне долго на свете все равно не жить, и это принесло ему некоторое облегчение.

– Давай ка выстроим цепочку вместе, – предложил Викентий. – Как думаешь – мой одно-рукий друг комунибудь рассказал о визите ко мне?

– Нет, не рассказал, – ответил Федька с уверенностью. – Если б комунибудь из фартовых рассказал – пришлось бы делиться барышом.

– Вот и я так думаю, – кивнул Бежевый. – Прекрасно! Стало быть, с этой стороны мы неуязвимы. Значит, первое звено в нашей цепи вполне крепкое. Пойдем дальше. Предположим, очнется он через десять – пятнадцать минут живой и здоровый перед моей дверью. Сунет руку в карман – там деньги и револьвер. Что он станет делать?

– Ясное дело, – хмыкнул Федька, – ухлопать вас решит.

– Безусловно! Однако решить – это еще не значит сделать. Через дверь то он вряд ли станет палить, так?

Федька посмотрел – дверь у этого Бежевого была железная.

– Ну, так... – согласился он.

– Подждать, когда я выйду, – дело долгое, согласен?

– Согласен...

– Ну – и? Пойдет он, как думаешь, закладывать меня в ГПУ?

Федька решил:

– Это бывший то беляк, да еще с револьвером в кармане? Так ему там и дадут слово сказать!

– Верно мыслишь, – согласился Бежевый. – Но есть и еще один аргумент. Если он все же решит донести, то навсегда потеряет меня в качестве дойной коровы. Выходит, сразу по целым двум причинам он на такую глупость ни за что не пойдет. Так что и с этой стороны опасаться нам нечего. Значит, единственное, что ему остается, – это когданибудь еще раз меня подловить и с наганом войти в квартиру. Но сегодня у него это едва ли выйдет. Стало быть, он вынужден будет какое то время терпеть, подждать удобного случая... Ладно, теперь пойдем дальше. Представь себе: вместе с револьвером он находит в кармане немалые деньги и понимает, что это имеющееся у него время можно провести с пользой для себя. Ну ка, что он, по твоему, выберет?

– Думать нечего – деньги пропить, – сказал Федька.

– Вот вот! К тому же незамедлительно! – поддержал его Бежевый. – По его лицу видно, что без того он уже через час будет совсем плох. И куда же, по твоему, он двинется от моего дома?

Федька пожал плечами:

– В пивную, понятно.

– А какая тут ближайшая?

– В Армянском переулке. Пять минут ходу...

Бежевый взглянул на часы.

– Вот мы даже и отмерили ему время жизни. Стало быть, не далее чем через двадцать – двадцать пять минут в пивной, что в Армянском переулке, отойдет в мир иной бывший прапорщик Добровольческой армии Долин, ныне больше известный в миру под именем Клешня...

Ну что, давай ка покуда вынесем раба Божьего, а то, гляжу, он скоро очухается. – С этими словами Бежевый взял Клешню за ноги.

Федька взял его за руки, но, когда они уже выносили бесчувственное тело, решился все же спросить:

– И кто ж его, дяденька, там, в Армянском переулке, уколошит?

– Водка. Всего навсего она, родимая! – беззаботно отозвался Бежевый.

Насмехался, что ли? Да и ведро водки насмерть не уложит Клешню, только еще злее к утру будет.

Лишь после того, как они усадили начинавшего шевелиться Клешню на лестнице, привалив его спиной к стене, и вернулись в квартиру, Бежевый сподобился объяснить.

– Вижу, не веришь ты, что водка его насмерть убьет? – спросил он. – И напрасно. Ты видел, что он до этого пил? Точнее – из чего?

– Вон то, из клювика...

– Верно! А вот это как раз и есть главное в нашей цепочке звено. Там, в этой бутылке, растворен порошок, сам по себе совершенно безвредный. Но при соединении со стаканом другим водки он превращается в смертельный яд, разрушающий одновременно и сердце, и печень, и почки. Я так полагаю, уже минут через десять в Армянском переулке это смертельное соединение и произойдет. В итоге – последнее звено нашей не самой сложной цепи: не далее как через полчаса в пивной найдут мертвого пьяницу с отказавшими органами и с наганом в кармане. Как думаешь, долго будут доискиваться до причины смерти раба Божьего?

– Делать легавым больше нечего!

– Вот и я так же думаю, – кивнул Бежевый. – Кстати, сей раб Божий, как и тот твой Упырь, уже приговорен, просто сам ускорил исполнение.

– Кем приговорен, судом? – встрепенулся Федька, однако Бежевый отвечать на этот вопрос не стал.

– Ладно, пошли ухо твое лечить, – сказал он. – Последнее дело – когда ухо болит, по себе знаю. Однажды так болело – места себе не находил.

– Да не болит у меня ухо, дяденька, – признался наконец таки Федька. – Это Минька Прыщ придумал в рифму: «Федуло – надуло».

Бежевый ничуть не рассердился. Сказал:

– Ну и славно... Тогда вот что. Надевай ка ты опять свое рванье и возвращайся покуда назад, на Сухаревку, а то у меня сегодня еще дела. И – помнишь, что я тебе прежде сказал? Глаз не спускай с этого... Как вы там у себя его называете?

– Упырь.

– Вот вот. Так что давай, Федор, переодевайся и ступай. А увидишь Упыря – сразу ко мне. Все понял, Федор?

Эдак – Федором – его, Федулу, называли впервые. Жаль, для Сухаревки – что Федор, что Федька, все одно: Федуло надуло...

Вдруг неожиданно для самого себя он спросил:

– А можно, дяденька, я не Федором буду?

– Под псевдонимом хочешь работать? – озадачил тот непонятным словом. – И как же ты теперь желаешь называться?

– Можно я тоже буду Викентием?

– Что ж, – усмехнулся Бежевый, – Викентием так Викентием, возражений не имею. Викентий второй, стало быть.

И так хорошо стало Федьке от этого нового имени, что он повторял его на разные лады, пока шел к Армянскому переулку: Викентий, Викентий... Здрово!

Там, в переулке, уже гудела толпа, обступившая кого то, распростертого на тротуаре.

– Стакан только выпил, гляжу – мертвый уже! – громко рассказывала женщина в белом халате. – И как он так враз помер, не пойму! Я ему даже сдачу с полусотенной не успела дать!..

Кто то в форменной фуражке на голове наклонился и вдруг воскликнул:

– Э, да у него ж в кармане наган!.. И морда вон какая бандитская! Надо звонить!

Да, ничего тут не скажешь, гладко складывалась у Бежевого эта его цепь!..

Дальше Федька Викентий глазеть не стал и побыстрее дунул к себе на Сухаревку, пока никто не занял на ночь место у его котла.

...А среди ночи вдруг выдернуло из сна холодным, липким страхом. Что, если и к нему уже примеривался какой то своей смертной цепочкой этот Бежевый? Больно он – хоть Федулой, хоть Викентием называй, теперь уж, может, это и без разницы, – больно он о Бежевом теперь знал много, а такие «знайки» долго на свете не живут.

До рассвета он больше не смыкал глаз – все казалось, та самая цепь у него на горле затягивается. Сейчас вот воздуха глотнет напоследок – да так, Викентием не успев побывать, ни за что ни про что и померет...

Но утро настало, а он все не помирал. Подумал, что, глядишь, теперь и до вечера не померет.

Ошибался, выходит, в Бежевом...

Ну а днем как раз и Упырь появился на Сухаревке. Недели три его не было видно – и вот нате!

Сразу понятливые сухаревские мазурики исчезли, словно их тут и не было. Из мазуриков остались только двое: Федька, притаившийся у котла, и еще один, новенький, сбежавший от голодухи из Самары, Ленькой звали, пока еще несмышлениш, всего дня три как прибил к сухаревским, еще ничего о здешней жизни не знал.

Упырь сразу – к нему: почуял, гад, легкую добычу! Каким то нюхом особым он ее всегда вмиг унюхивал.

Уж на чем они сошлись, один черт знает, только потопал дурень Ленька вслед за Упырем.

Надо было спешить, поэтому Федька сразу дунул бегом на Мясницкую. Уже через пять минут выкладывал все, что видел, Викентию.

Тот медлить не стал, накинул свой бежевый плащ и выбежал из дома. Федька – за ним, но поди догони, когда у того ножищи что ходули.

Догнал только в переулке верстах в двух. Здесь же лежал на асфальте и Упырь, и голова его была расколота, как орех, здоровенным булыжником, а рядом трясся Ленька, не в силах сказать ни слова. Федька уж было подумал, что Бежевый сейчас – и его как ненужного свидетеля, но тот Леньку трогать не стал, а просто предупредил:

– Ты только, парень, лишнего не болтай, лады?

Ленька в ответ лишь головой затряс. На всякий случай еще и перекрестился истово.

– На Сухаревку больше ни ногой, понял?

И снова Ленька начал креститься, говорить все еще не мог, словно онемел.

Чтобы не выглядеть таким же дурнем, как этот самый Ленька, Федька подал голос:

– Я его в Питер переправлю, – сказал он, – у меня на поезде кочегар знакомый, он провезет. – И сразу от этих слов почувствовал себя человеком стоящим, не то что мазурик Ленька, а скорей кем то под стать чуть ли не самому Викентию Ивановичу.

Викентий кивнул:

– Вот и лады. Только надо – не мешкая.

– Прямо сегодня отправлю, – пообещал Федька. И приказал дрожащему Леньке голосом старшего: – Дуй на Николаевский вокзал, жди меня.

Повторять не пришлось – тот дунул так, что пятки засверкали.

Теперь они остались с Викентием вдвоем. Викентий молчал, смотрел на Федьку испытующе. Федька еще раз взглянул на мертвого Упыря, и снова сердце заходило ходуном. Но ска-

зять что то было надо, иначе Викентий почувал бы сидевший в нем страх, а выглядеть слабаком очень не хотелось, поэтому, потрогав булыжник, убивший Упыря, он произнес одно только слово, потому что язык плохо слушался:

– Камень...

Викентий отозвался задумчиво, куда то в пустоту:

– Да, камень... – И добавил что то вовсе уж неясное: – Палка, камень, веревка, трава, страдание...

– Что? – спросил Федька.

– Нет нет, ничего, – сказал Викентий, – это я так... Забудь.

Но Федька не забыл. И долго еще по ночам вздрагивал и повторял про себя: «Палка, камень, веревка, трава, страдание».

Смысл их он узнал позже, гораздо позже.

* * *

Добираясь из дальневосточной тайги до Москвы, он не раз повторял эти пять слов: «Палка, камень, веревка, трава, страдание». Сейчас только они придавали ему силы, потому что были символом Тайного Суда, а только существование Суда делало его жизнь осмысленной.

В Москве Викентий очутился только через три месяца. Винтовка, которую отобрал у охранника, оказалась всего с двумя патронами. Одним из этих патронов ему как-то раз посчастливилось подстрелить барсука (сожрал сразу же, хоть мясо было и вонючее не приведи господь), другим вроде бы попал в медведя, но тот, зараза, ушел живой, унеся пулю в себе. Дальше, пробираясь через тайгу, кормил себя тем, что разорял птичьи гнезда, подбирал падаль, ел лягушек и слизняков, а то и просто еловую кору жрать приходилось, – но все таки добрался до Амура живой.

Там прокрался на пассажирский корабль, спер сумку у какой то зазевавшейся бабки, вспомнив старое свое беспризорное воровское ремесло, а в сумке этой – и картошечка вареная, и хлебушек, и пирожки с капустой; в общем, за эту часть дороги даже набрался сил.

Потом были еще долгие скитания по матушке России, вспоминать про которые не хотелось – в основном из за того, что за это время еще не раз пришлось приворовывать, а это совсем не красит будущего члена Тайного Суда.

Но вот и она наконец – Москва-столица!

Здесь жил один человек, служивший в НКВД и состоявший там в немалых чинах. Мало кто знал, что когда то, в стародавние времена, он попал в поле зрения Тайного Суда, казнить его не стали, и он был переведен в поднадзорные к Викентию первому. Второй Викентий также был ему знаком. Ликвидация Тайного Суда, о чем он узнал в своем ведомстве, принесла ему, видно, несказанное облегчение, но при виде Викентия второго в нем мигом ожили все его прежние страхи, и он выложил как на духу все, что знал.

А знал он лишь то, что Васильцев и его поделница взорвались в самолете, на котором летели невесть куда. Сами взорвались или им кто то помог – этого поднадзорный ведать не ведал, но в том, что они, действительно, взорвались, у него не имелось никаких сомнений: лично писал отчет для самого наркома госбезопасности. В его искренности можно было не сомневаться, ибо в глазах его тлел застарелый страх перед Тайным Судом. Он перевел дух лишь после того, как Викентий его покинул.

Версию, что взорвались сами, Викентий сразу отмел как несерьезную.

Помогли взорваться?... Что ж, это, пожалуй, вполне допустимо...

То есть было бы допустимо, не иди речь о таких людях, как Васильцев и Катя, надо полагать, прошедших школу не худшую, чем он, Викентий.

«А ведь и не найти лучшего способа исчезнуть так, чтобы никому в голову не пришло тебя разыскивать, – подумал Викентий. – Молодцы!» Всему учись. Он сам едва ли до такого додумался бы.

Теперь, правда, снова надо их искать, но к этому Викентий был готов. Он их найдет, непременно найдет! Всегда можно найти, если следовать *per pedes apostolorum*.

Найдет и докажет, что им без него не обойтись! Сами сразу поймут, как только увидят... А если их ищут – что ж, в этом случае он тоже будет им небесполезен.

Но ни Катю, ни Васильцева никто и не думал искать. Сейчас Викентий был единственным человеком на свете, который ни секунды не верил, что их нет в живых.

Ну разве что еще майор Н. Н. Николаев. Но тот не просто верил, тот знал.

Глава 3

Страшное послание. Полина

Юрий Васильцев скакал верхом по ему одному известным тропкам в зауральской тайге. Собственно, он давно уже был и не Васильцевым, и не Юрием. Фамилия его теперь была Кучинский, имя – Александр, – вполне надежные документы удалось справить всего за двести пятьдесят рублей, – и служил он теперь лесником в одном заповедном лесничестве, по ту сторону Уральского хребта.

Служба оказалась вполне для них с Катей выгодной: хоть заработок и невелик, зато и казенная тебе крыша над головой, и даровые дровишки на зиму, а главное – никакого начальства вблизи: в эти места, окруженные лагерями для зэков, редко кто навещался: стрёмно. Беглый зэк уголовник – он, как известно, куда опасней медведя шатуна, до него, до Васильцева (Кучинского то бишь – даже наедине с собой надо не забывать, чтобы приросло намертво!) – до него трех лесников убили.

Лесник для них, для беглых, – самая лакомая находка: тут тебе и конь, и ружьишко, и документы, и одежда человеческая. А двух начальников, что три месяца назад приезжали с инспекцией из райцентра, – когда те возвращались назад, прямо на сосне повесили, да еще поиздевались прежде так, что даже ему, Васильцеву Кучинскому, повидавшему в своей жизни всякого, смотреть было страшно. Ну не любит беглый зэк начальников, по какому бы казенному ведомству они ни проходили.

Местные жители тоже, нетрудно сказать, в лесники не рвались, оттого предложение некоего Кучинского в райцентре восприняли как дар небесный, даже никаких лишних справок требовать не стали.

Сам Васильцев Кучинский этих беглых не боялся. Дважды на него нападали – и оба раза едва распозлись, унося покалеченных. Тут не столько даже навыки, полученные от покойного Викентия, помогли, сколько ежедневные уроки с Катей, а уж ее чему только в свое время не научили! Тут тебе и тайский бокс, и японское карате, и китайское кун фу – всем этим она владела в совершенстве.

Весть об ухаре леснике разбежалась быстро, и больше на него уже не нападали. Несколько раз он видел вдали какую-нибудь фигуру весьма характерного вида, прячущуюся за кустами. Постоит, бывало, фигура эта, постоит, а сообразит наконец, кто это там на лошади скачет, и сразу – дёру.

Юрию, прирожденному городскому жителю, новая служба, как это ни странно, приглянулась сразу же, и здешнюю природу он полюбил больше, чем все прелести каменной Москвы. Впервые за долгие годы он очутился в мире, который действительно был, в отличие от того, московского, страшного своей нереальностью, из которого им с Катей так счастливо удалось испариться.

И начальство радовалось на расстоянии: браконьерство на территории нового лесника мигом почти сошло на нет, а он, Юрий, задался целью и вовсе его извести. По этой причине он и скакал сейчас в сторону Черного камня – с полчаса назад услышал донесшийся оттуда звук выстрела.

Километра полтора не доехав до Черного камня, вдруг увидел: мураши валом валят через тропу куда то в глубь тайги, а за ними крысы, целыми выводками, – значит, учуяли где то падаль. На браконьерские дела не похоже – браконьеры за собой падали не оставляют.

Юрий приняхался, но смрадного духа не почувал – стало быть, что то здесь случилось совсем недавно. Он повернул коня и уже через несколько минут увидел...

На поляне лежал человеческий труп, весь уже облепленный мурашами, и семейка крыс шебуршилась у него на груди. Еще час другой – и от трупа ничего не осталось бы: как известно, тайга мигом подчищает свою территорию.

Вначале подумал – зэк подраненный: бежал, бежал по тайге, да вот и помер.

И вдруг...

Могло ли это быть случайностью? Рядом с трупом, аккуратно выложенные, лежали палка, веревка, большой камень, явно кем то сюда недавно принесенный, и специально кем то вырванный пук травы. Было ли изображено страдание на лице трупа увидеть не представлялось возможным из за облепивших лицо мурашей, но и так было видно, что смерть этот человек принял со страданием, ибо причиной смерти была не пуля, рана от которой виднелась на плече, а острый короткий кол, вбитый ему в живот, так что умирал он мучительно и, вероятно, долго.

Мало этого, на большой сосне, росшей рядом, были вырезаны пять крупных букв: SSSGG. Означать могло только одно: «Stock», «Stein», «Strick», «Gras», «Grein» – «палка», «камень», «веревка», «трава», «страдание». Эти слова не могли быть понятны никому, кроме членов Тайного Суда, а значит, именно к нему, к Юрию, и было обращено это страшное послание.

Он огляделся, прислушался – вроде поблизости никого, – лишь после этого слез с коня.

Преодолевая отвращение, Юрий разогнал крыс и мурашей с груди убитого, порылся в карманах его плаща и извлек оттуда два документа – паспорт и билет члена ВКП(б). С обоих на него смотрело одно и то же лицо: Бричкина Кузьмы Игнатьевича.

В иные моменты Юрий и сам готов был убить этого негодяя, одного из самых гнусных мерзавцев, обитавших в здешних местах. Жил Бричкин тем, что тянул жилы из раскулаченных, сбежавших сюда, за Урал. Таких тут было много – места отдаленные, энкавэдэшники ленивые, можно и пересидеть – глядишь, да и в Совдепии что то переменится в лучшую сторону (иди жди!).

Но и никакой НКВД не нужен, если рядом такая гнида, как Бричкин. Он выслеживал этих бедолаг (нюхом на сей предмет обладал, мерзавец, отменным), поначалу, обещая не закладывать, вытягивал из бедолаг все, чем они были мало мальски богаты, вплоть до последней ложки и плошки, потом девок их портить начинал – и те молчали; наконец, насосавшись крови вдоволь, все равно закладывал несчастных в НКВД, – и где они сейчас? В лучшем случае, золото для Родины добывают где нибудь на Колыме. Это которые пока еще живы.

Катя уже не раз заговаривала о том, что надо бы освободить землю от этого Бричкина: дело нехитрое, тайга все спишет. Бывало, что он, Юрий, с ней и соглашался, но потом, по здравом размышлении, передумывал. Тайного Суда больше нет, никогда он уже не возродится, и какое у них теперь право быть вершителями чужих жизней, даже таких мерзких, как жизнь этого подлеца Бричкина?

Но, оказывается, Тайный Суд был!

Был, и желал их с Катей тоже превратить в свои щупальца. Никому другому, кроме них, не могло быть адресовано это страшное послание...

И тут Юрий услышал слабый стон, доносившийся справа, со стороны Черного камня. Он подумал: «Еще один. Жив еще...» – влез на коня и, озираясь по сторонам, направился туда.

Проехав меньше версты, увидел овражец, засыпанный валежником. Именно оттуда, из овражца, и доносился, похоже, этот стон.

Юрий спешил, раскидал валежник и увидел...

Там лежала девчушка, судя по одежде, из местных, голова у нее кровоточила, но когда Юрий ощупал рану, понял, что череп не пробит – значит, по всему, рана не тяжелая, выживет.

Когда он прикоснулся к ее голове, девчушка открыла глаза и снова застонала.

Юрий сказал:

– Не бойся, милая, я тебя не трону. – И спросил: – Кто ж это тебя так?

Девчушка хотела ответить, даже рот открыла, но произнести ничего не смогла, только промычала что то – видно, еще не до конца пришла в себя. Смотрела на него по прежнему со страхом.

– Не бойся меня, – повторил он.

С этими словами Юрий подвел коня, поднял девочку (легкой была, как пушинка), усадил в седло, веревкой приторочил ее ноги к стремянам, чтобы не упала, и повел коня под уздцы.

Теперь страх в ее глазах стал понемногу угасать, смотрела уже более или менее осмысленно, и Юрий пообещал:

– Все будет, милая, хорошо. Сейчас приедем – перевязку тебе сделаем. Подлечим малость – тогда домой тебя отвезу. Где дом то твой, помнишь?

Но девочка лишь помотала головой: не помнила.

– А кто тебя так?

И снова лишь головой помотала.

– Ладно, – вздохнул Юрий. – Ну, а хоть помнишь, как тебя зовут?

Думал, тоже не помнит, но девочка вдруг произнесла слабым голосом:

– Полина... Поля... – и с этими словами без сознания повалилась лицом на гриву коня.

* * *

Когда он вернулся домой, Катя, увидев Полину, всплеснула руками:

– Кто ж ее так?!

– Не помнит она ничего, – сказал Юрий. И добавил: – Бричкина убили.

Катя лишь кивнула удовлетворенно, пока что было не до разговоров. Она нагрела воды, промыла девочке рану, смазала какой то мазью, сделала перевязку. Девочка все еще была в бесчувствии.

Они уложили ее в кровать, и лишь после этого Катя наконец спросила:

– Бричкина, говоришь, грохнули? Слава богу! И кто ж это его?

Рассказ Юрия она выслушала спокойно, в трудные минуты она умела держать себя в руках.

Дослушав, чуть усмехнулась:

– Выходит, добрались. Что поделаешь, надо быть готовым ко всему. – С этими словами она пошла в погреб и вернулась оттуда с разобранным карабином и двумя наганами – в свое время Юрий поотнимал это добро у каких то здешних лесных бандюг. Собирая карабин, вздохнула: – Значит, Тайный Суд все таки существует...

Тут девочка зашевелилась на кровати и открыла глаза.

– Так кто ж тебя так? – спросила Катя.

Теперь уже девочка была способна говорить.

– Не знаю, – прошептала она. – Я только шорох сзади слышала... Обернуться не успела... Больше ничего не помню.

Катя кивнула:

– Да, знакомый почерк: свидетелей они не убирают, Катехизис не велит. – Потом снова повернулась к девочке: – А где живешь – вспомнила?

Полина чуть было не сказала, но вдруг прикусила губу: почему то не хотела говорить.

– Ну и ладно, – ласково улыбнулся Юрий, – не хочешь говорить – не надо. Ну а из каких ты будешь?

Девочка так и лежала с прикушенной губой. Потом собралась и проговорила жалостливым голосом:

– Дяденька, а можно я говорить не буду?

Уже хотя бы то было хорошо, что врать, судя по всему, не любила.

– Ну, дело твое, – согласился Юрий.

На лице ее появилось облегчение.

– Будешь пока жить у нас, – сказала Катя, – а там поглядим.

Но последних ее слов Поля уже не слышала. Она спала.

А ночью у нее случился жар, такой, что думали – не выживет.

Выжила.

Глава 4

Стопами апостолов (Продолжение)

Начало было положено. Теперь предстояло найти случай встретиться с теми двоими, Катей и Васильцевым, воочию. Но обстоятельства этой встречи надо было сперва хорошо обдумать, иначе можно запросто от них и маслину в лоб получить.

И Викентий думал. В иные дни думал с утра до вечера, даже поесть забывал, не до того было. А когда сваливало сном, сразу зачем то появлялся Федька Федуло, и вся та жизнь с Викентием Ивановичем представала перед ним.

Со временем, когда узнал от Викентия Ивановича о Тайном Суде, ему даже стало нравиться его двойное существование: с утра до вечера мазуриком Федулой на Сухаревке, а с вечера до утра – Викентием, помощником другого Викентия, палача Тайного Суда. Втайне, бывало, иногда думал: глядишь, время придет – и он, бывший Федуло с Сухаревки, станет таким же, как его новый друг.

Да какой там друг! Отца своего он не помнил и именно как отца воспринимал теперь Викентия Ивановича.

К зиме об этом Тайном Суде он знал уже многое. Суд возник лет пятьсот назад, а может, и намного ранее. Целью же Тайного Суда было восстанавливать справедливость в этом мире, где ее, справедливости, пока что с гулькин нос.

Особенно нравилось Федьке Викентию слушать про давнюю историю этого Суда. Графы, герцоги, короли – и те страшились и не больно то распоясывались, если кто то поблизости произносил слова: «палка, камень, веревка, трава, страдание».

Викентий Иванович давал ему записи, в которых рассказывалось о некоторых делах Суда, и Федька Викентий диву давался, к какой же силище он, оказывается, примкнул! Это не то что Минька Прыщ, которому пофартило примкнуть к уркам. Там тоже сила, но это смотря с чем сравнивать. Если с Тайным Судом – то просто смешно: вшивота!

Как вон это Суд с одним зарвавшимся маркизом расправился! Хоть дело было еще при царе Горохе, но все равно впечатляло! Тот маркиз, узнав, что Тайный Суд им занялся, стал прятаться аж в самом Лувре, во дворце французских королей.

Что, помогло? Шиш с маслом! Нашли в том же дворце повешенным. Да где?! В королевском нужнике!

Или тот царский полковник, что над детьми измывался навроде покойного Упыря. Ехал себе тот полковник в поезде – и вдруг нет его. А где он?

А вот где: возле рельсов прибит колом к земле. Ну, кто, кроме палача Тайного Суда, так сумеет?

А польский один магнат! Крестьян своих, гнида, запирает в погребе и держал там, пока не подохнут с голода. Как узнал, что Тайный Суд его приговорил, убёг аж в Южную Америку!

Помогло? Шиш! Там, в горах, и нашли в пещере, заваленной камнями. Он одной травой питался, пока с голоду не сдох, как те его крестьяне. Вот она, настоящая справедливость!

И еще множество таких историй он теперь знал. Читать – не оторвешься!!!

Одно стало печалить. Это когда дочитал до того места, где говорилось о том, кто имеет право стать членом Тайного Суда. Оказывается, только родной сын какогонибудь другого члена, и ни в коем случае никто иной. Так что выходило ему, хоть он теперь и Викентий, все равно оставаться Федулой с Сухаревки. Глядишь, иногда кликнет ктонибудь из Тайного Суда, чтоб помощь какую маломальскую оказал, – уже тем, Федуло, и радуйся.

Но даже этой малости он радовался всерьез. А помощь от него вскоре опять понадобилась.

Однажды Викентий Иванович сказал, что как раз вблизи Сухаревки живет такой гражданин Васильцев (вот когда он впервые услышал эту фамилию), и является этот Васильцев не больше не меньше, как сыном самого бывшего председателя Тайного Суда.

Бывает же счастье у людей!

Но только Васильцев этот об истинной должности своего отца пока, оказывается, ни сном ни духом не ведает. Подойдет время – ему расскажут, но пока оно, это время, не подошло.

Почему еще не подошло, Федька Викентий спрашивать не стал, его старший друг не любил, когда перебивают вопросами. Не время – что ж, значит, не время.

А до той поры, когда этот хромоногий очкарик Васильцев обо всем узнает, надо беречь его всеми силами, чтобы дожил благополучно до той счастливой минуты.

Дело осложнялось тем, что Викентий Иванович узнал от своих поднадзорных: начал охоту на этого Васильцева какойто майор по фамилии Чужак, из самого НКВД, большая там, на Лубянке, шишка, и теперь все о Васильцеве вынюхивает, чтобы на чемнибудь накрыть.

Почему не взяли этого Васильцева за просто так, как здесь, в СССР, нынче любого взять можно, Викентий Иванович тоже объяснять не стал (а Федька Викентий не стал спрашивать – не любил Викентий Иванович, когда лишние вопросы задают). Можно было лишь догадываться, что и тут не обошлось без Тайного Суда. А если Тайный Суд вступается – за просто так человека не возьмешь.

И тогда вознамерился тот майор Чужак накрыть Васильцева на чемнибудь по настоящему серьезном, на таком, что его уже никто не отмажет.

Вообще то ангелом хранителем этого Васильцева был самолично Викентий Иванович, но ему часто приходилось отъезжать из Москвы по какимто делам Тайного Суда, о которых знать никому не полагалось; вот тогда забота об этом Васильцеве перекладывалась на плечи Федьки, благо, он всегда тут, на Сухаревке, и много раз видел, как Васильцев выходил из своего подъезда.

В тот день все поначалу вроде бы шло как обычно – мазурики грелись у котлов, сухаревские щипачи приглядывались к чужим карманам.

Потом шнырь какойто появился – по всем повадкам явно из легавых. Щипачи, мигом его раскусив, тут же разошлись. Ну а Федьке то что – на мазуриков легавые шныри внимания давно уж не обращают.

Вдруг смотрит – а из своего подъезда Васильцев выходит. Глядь – и шнырь смотрит в ту же сторону. Потихоньку шнырь фотографию из кармана достал, сравнил ее с настоящим Васильцевым, и сразу глаза стали радостными. Значит, его то, Васильцева, и поджидал.

Федька потихонечку – да поближе к нему. И пригляделся внимательнее, чтобы потом шныря этого Викентию Ивановичу поподробнее описать. Увидел даже, когда тот папироску крутил, что у него двух пальцев на левой руке не хватает.

Закурив, обрадованный шнырь наконец направился к Васильцеву. Подошел и с улыбочкой такой змеиной его спросил:

– Господин фон Шварцбург? Вон, пятнадцать лет прошло – а почти и не изменились, ваше высокоблагородие.

Васильцев – ему:

– Обознались, гражданин. И фамилия у меня другая, и знать вас не знал никогда.

А тот продолжал улыбаться, как параша:

– Как же не помнишь, Андрюша! Пятый батальон Добровольческой армии! Ты в первой роте командиром, а я – во второй. Нас еще его высокопревосходительство генерал Врангель Петр Николаевич награждал за храбрость одновременно! По рюмке рома поднес!.. Ну, вспомнил, никак?

– Чушь какая! – сказал Васильцев. – Сроду я ни у какого Врангеля не служил! Оставьте меня, ради бога.

Причем правду говорил. Федька про него почти все знал. Был он математиком. Правда, как Федька слышал, со службы его недавно выперли, теперь вкалывал истопником.

Математику Федька когда то учил – еще до того, как родители померли с голоду. Дроби какие то, треугольники, пропорции, в общем, всякая хренотень. То, что взрослый дядька может всерьез всей этой хренистикой заниматься, когда давно мог бы уже заседать в самом Тайном Суде, сильно подрывало в глазах Федьки Викентия его авторитет, отчего окрестил он про себя этого очкастого, хромого Васильцева Чокнутым.

Но уж у Врангеля чокнутый этот Васильцев ни с какого боку не служил, да и служить никак не мог: ему в ту пору лет шестнадцать было, а то и меньше.

Но Трехпалому до того дела мало – лезет с объятиями, хоть палкой от него отбивайся.

– Ну как же! Крым! Перекоп! Пятый батальон!.. Помнишь, каких дел с тобой понаделали, до сих пор большевички небось помнят!

Васильцев, ясно, не понял ничего, на то он и чокнутый; стряхнул с себя Трехпалого и захромал поскорей своей дорогой. А Федьке то стало ясно все, потому что Викентий Иванович про такие дела рассказывал. В НКВД держали на службе недобитых беляков, чтобы они такие вот штуки выделяли. Нападут на человека: помнишь то? помнишь сё? Потом его же в НКВД и сдают. Пусть тот хоть землю ест, что ни в какой белой армии не служил – кто ему поверит? Тем более вот он тут, живой свидетель.

Видно, и с Васильцевым такую штуку решил проделать тот энкавэдэшный майор.

В общем, беда!

Головы, однако ж, Федька не потерял – понял, что шныря трехпалого надо позадержать, чтобы тот не донес, пока он, Федька, к Викентию Ивановичу сбегает – тот как раз нынче должен был вернуться.

Когда то у щипачей кое какую науку прошел, да и трехпалый этот больно радостен был, мало что замечал вокруг, оттого Федьке удалось, подкравшись, легко вытащить у него из кармана наган, и с тем наганом – наутек. Знал, что за утерю нагана таких из легавки выгоняют запросто.

Шнырь, понятное дело, за ним:

– Стой, стой, сучонок!

Почти что догнал уже.

А Федька тот наган – раз – и в котел со смолой. Тут, у котла, шнырь и стал. Мазурик ему что? Наган главное.

Да поди этот наган достань, когда он уже на дне, а смола густая, как глина.

Не совсем глупый, правда, оказался шнырь, смекнул довольно быстро, что наган можно извлечь, если ту смолу разогреть и выплеснуть на мостовую. Начал под котел подкладывать дровишки.

Ну теперь то ему надо было не меньше получаса, чтобы как следует разогрелось, а Федька тем временем – на Мясницкую, докладывать.

Викентий Иванович был уже дома. Выслушал – за придумку с наганом похвалил, но от самого известия мрачным стал, каким Федька его прежде не видел.

– Ну ка, – сказал, – обрисуй ка мне этого шныря.

Обрисовывать – этому он его еще раньше обучил, и тут Федька не ударил лицом в грязь, не упустил ни одной подробности: лет эдак пятьдесят, рост высокий, шевелюра с залысинами, нос острый, набок слегка и на конце красный, как отмороженный; лицо с боков, как у воблы, сплюснутое; один глаз косит; на руке двух пальцев недостает...

Дальше Викентий Иванович и слушать не стал.

– Ясно, – кивнул он, – Леденцов по прозвищу Муха. Он в царской охранке шпиком был. – И заключил: – Раздавить эту Муху срочно надо, а то, боюсь, много нам доставит хлопот. Полчаса, говоришь, у нас есть? За такое время хорошую цепь не сложишь...

Федька (то есть теперь то, в этих стенах, уже Викентий) предложил:

– А может – как с Клешней? По роже видно, что выпить не дурак. Подмешать то же, что и Клешне, – он и того...

– Боюсь, Викеша, это не выйдет, – покачал головой Викентий Иванович. – Его сейчас никакой выпивкой не соблазнишь. Наган только отыщет – и сразу помчится докладывать, что де белого офицера на Сухаревке углядел. Нелегко тогда будет нам спасти этого Васильцева.

– Так если из царской охранки, – размышлял вместе с ним Викентий младший, – то можно и на понт взять. Там его самого могут за такое прошлое – к стенке.

– Едва ли, – вздохнул Викентий Иванович. – Там, я знаю, сейчас немало таких служит... Да если и к стенке – все равно сперва заставят дать на Васильцева показания. Паршивые, в общем, дела...

И тут Федьку (уж неважно – Федулу, Викентия) вдруг осенило. Два то он всего слова и произнес, но уже ясно чуял за ними всю цепь.

– Перстень княгинин... – сказал он, и сразу Викентий Иванович изменился лицом. Потому что уж кто кто, а он подобные цепи умел угадывать безошибочно.

А с перстеньком этим – вот что. Месяца полтора тому назад был на Сухаревке большой шмон – самого Графа брали, главаря всех сухаревских уркаганов. Пальба была, как на всамделишной, наверно, войне. Все мазурики за котлами попрятались, но не разбежались однако: интересно.

Потом пальба прекратилась; Федька из за своего котла смотрит: ведут. Как раз мимо его котла проводили. Хоть Граф и по рукам связанный, а позади все равно пять человек с наганами шагают. Ну а он себе идет, улыбается, сверкая золотыми фиксами.

А проходя возле Федькиного котла, взял да и в котел тот плюнул. Те, с наганами, и внимания не обратили, а он, Федька, сразу смекнул, что больно уж тяжело тот плевок в смолу плюхнулся. Но виду, ясно, не подал. Тогда же, кстати, и подумал, что смола в котле – иной раз полезная штука, и прикинул в уме, как бы ее еще использовать. Потому сразу и смекнул, что делать с наганом трехпалого шныря.

Ну а в тот день подождал, покуда Сухаревка после шмона притихнет – тогда по незаметному палочкой в смоле покопался (благо, было ее только на самом донце) и вытащил что то

твердое, тяжелое. Потом, уже на Мясницкой, шутовину эту в керосине отмыл; глядь – перстенок с синим камешком.

Дурень Федька этот перстенок бы, конечно, заныкал, да после попытался бы его какомунибудь барыге сбыть. Тут бы и конец ему, дураку Федьке. И поделом! Но потому он и был давно уже не Федькой Федулой, а Викентием, что, как его учили, умом думать начинал. И немедля тот перстенок показал Викентию Ивановичу.

Викентий Иванович про легавские дела откуда то много знал – свои люди, должно быть, у него там, в легавке, имелись. Перстенок осмотрел и сразу установил, что прежде принадлежал он какой то княгине Гагариной, а после достался зубному доктору одному. Но и у того задержался ненадолго – с полгода назад нагрянули к нему ночью фатовые люди, самого доктора порешили, всю семью вырезали, денег и золотишка прихватили немало, а заодно, выходит, и перстенок.

Теперь то ясно, что люди это были Графа, и стало быть, его, Графа, по перстню мигом привязали бы к тому налету на квартиру доктора, оттого и избавиться от него Граф поспешил.

Но фатовый то люд числит, что перстенок у легавых теперь, раз Графа с ним повязали. И если перстень этот ктонибудь продавать надумает – как пить дать башку ему тут же оторвут: перстенок то засвеченный.

Однако же на всякий случай Викентий Иванович перстенок подальше спрятал – вдруг впишется в какуюнибудь из его хитрых цепей.

И вот теперь...

Тут была даже дважды Федьки Викентия заслуга: и перстень он добыл, и своей головой додумался, как этот перстень к делу Тайного Суда приспособить...

Ну а дальше было так. Федька двинулся обратно на Сухаревку и поспел как раз к тому времени, когда трехпалый уже извлек из смолы свой наган и, зло матюгаясь, оттирал его тряпичей.

Вдруг рядом с ним появился кто то усатый, в хорошей кожанке. Пару слов шнырю кинул – и зашагал не спеша в обратную сторону.

Да, умел облик менять Викентий Иванович, тут ничего не скажешь! Даже Федька его в этой кожанке не вмиг узнал.

Вздыхнул трехпалый, пошел следом за ним. А Федька по незаметному – сзади. Так, втроем, хоть вроде и порознь, дошли до дома на Мясницкой. Федька вошел с черного хода, а трехпалый вслед за Викентием Ивановичем – с парадного.

Викентий Иванович нарочно, видать, дверь кабинета приоткрытой оставил, чтобы Федька все, что там, в кабинете, происходит, мог услышать и подглядеть – чай, он тоже теперь в этом деле не посторонний.

Там у них происходила потеха. Трехпалый стоял по струнке, а Викентий Иванович, развалившись в кресле, важным голосом говорил:

– Известно ли вам, товарищ Леденцов, где вы находитесь?.. А находитесь вы, товарищ Леденцов, на конспиративной квартире самого Московского уголовного розыска, о которой ни одна душа больше не должна знать. Чувствуете, какое к вам доверие, Леденцов?

Трехпалый тянется – голова, того и гляди, оторвется от тонкой шеи:

– Точно так! Чувствую, товарищ комиссар! Разве ж не понимаю?.. Имею также доложить, что на Сухаревке сейчас видал бывшего белогвардейского офицера фон Шварцбурга, замаскированного под умственно ненормального математика. А таких дел натворил в Крыму в двадцатом годе! Я как раз шел уже об нем сообщать куда надо...

Викентий Иванович ему:

– Молодец, Леденцов, что зоркость революционную не теряешь... Этим фон Шварцбургом я лично сам сейчас займусь... А к тебе у меня другое важное дело. Выполнишь как следует – командирское звание получишь, сам за тебя похлопочу. Вот этот перстенок видишь?

– Точно так, товарищ комиссар!

– Так вот, давно уже ловим мы одного скупщика краденого, а поймать с поличным никак не удастся, смысленный, гад! Но адресок его известен – тут это, недалеко, на Варварке, дом девять. Записывать не надо. Запомнишь?

– Точно так!..

А Федька то знал – в том доме на Варварке Щербатый живет, этого самого Графа первейший дружбан. Уж он то перстенок признает наверняка.

– Сейчас немедля пойдешь туда с этим самым перстеньком, – продолжал Викентий Иванович, – и предложишь перстенок купить. Будешь косить под трамвайного шипача. Слишком большой цены не заламывай... Барыга тебе скажет, что должен перстень осмотреть, в квартиру непременно зазовет. Ничего не бойся, заходи – мои люди будут уже наготове, при оружии. На этом самом то перстне мы его и возьмем. Ну, все уразумел, Леденцов?

– Так точно, ваше бла... Товарищ, то есть комиссар! Не впервой! Еще, помню, в девятьсот двенадцатом годе...

Да и примолк в испуге. С этим «вашим бла...» и с девятьсот двенадцатым годом он, конечно, промах изрядный дал – сразу ясно, что при царе Николашке Кровавом ту же легавую службу нес. Выходило – совсем уж тупой. Но тупой для такого дела, как сейчас, подходил как раз лучше всего.

Викентий Иванович, ясно, виду не показал, что заметил его промашку.

– В общем, – сказал, – держи перстень, Леденцов, и дуй туда, на Варварку. Да смотри там не лопухнись.

– Никак невозможно, ваше... товарищ комиссар! Разрешите выполнять?

– Выполняй, – разрешил Викентий Иванович. – Потом вернешься – доложишь...

Это «доклужишь» было последним, замыкающим звеньшком в цепи. Если не вернется докладывать – значит, можно этого трехпалого больше уже не опасаться: Щербатый все сделает.

Так оно, понятно, и вышло – с концами сгинул навсегда трехпалый Леденцов.

И кто во всей цепи был на этот раз за главного? По всему выходило, что он, Федька Викентий! Тут и считать нечего! Сколько звеньшек из всей цепочки нацело им выковано!

Перстень нашел кто? (Это – раз!) Кто засек этого Леденцова (уже покойника наверняка) рядом с Васильцевым? (Это – два!) Кто придумал, как его задержать? (Это – три!) С наганом и вправду вышло здорово, вспомнить приятно! Кто, наконец, вспомнил про перстенок в нужный момент? (Это – четыре!)

Очень гордился собой Викентий, и даже в случайных мыслях себя ни Федькой, ни Федулой в тот вечер не называл.

А Викентий Иванович оценил его заслугу по своему. Да как!..

Ближе к ночи призвал его к себе в кабинет и протянул какой то листок:

– На, читай, оголец!

Федька глянул – не поверил глазам. Настоящая метрика, на ней печать с серпом и молотом, и черным по белому выведено, что он – не кто иной, как Непомнящий Викентий Викентиевич, 1922 года рождения, русский, родившийся в Москве, является сыном гражданина Непомнящего Викентия Ивановича, из рабочих, и какой то гражданки Непомнящей Клавдии Петровны, из мещан.

– Усыновили? – спросил Витька Федька недоверчиво, боясь спугнуть удачу.

Викентий Иванович усмехнулся:

– Ну считай, что так. Метрика, правда, липовая, и гражданка Непомнящая Клавдия Петровна если и существует на свете, то только по случайному совпадению, но печать самая настоящая, так что комар носа не подточит. Ты только эту метрику где нибудь тут, в доме, спрячь, а

то если вдруг на Сухаревке комунибудь попадетсЯ на глаза... Я тебе ее позже отдам, да только смотри... Боюсь, ты скоро с именами своими путаться начнешь.

– Чего путаться? – спросил он (уже, впрочем, путаясь). – Всего два: Викентий да Федор, невелика штука запомнить.

Уже давно не было на свете Викентия Ивановича, но он, вспоминая тот разговор, то и дело выдергивался из сна то под одним, то под другим именем. И к утру уже сам толком не знал, кто он, Федька Федуло или Викентий Викентиевич Непомнящий, теперь уж по праву будущий Великий палач Тайного Суда.

Правда, Суд этот еще только предстояло возродить. Но Викентий теперь ни одной минуты не сомневался: рано или поздно он это сделает, непременно сделает!

Глава 5

В Москву! Человек без лица

Ночью Катя и Юрий устроили совет: что им грозит и как быть дальше. Оба не сомневались, что убийство Кузьмы Бричкина дело рук того самого парнишки, сына палача Викентия, но вот какую цель он преследует, оставалось только гадать.

За свою жизнь они могли пока не беспокоиться: если бы тот хотел убить их, он бы это сделал легко – в тайге для хорошего стрелка дичь не штука, стало быть, его планы были другие. То ли хотел показать им, на что он действительно способен, то ли пожелал их запугать – только вот во имя чего?

Пришли к тому, что мальчишка решил возродить Тайный Суд. В одиночку это было невозможно, и он решил, что будет восседать в этом Суде рядом с ними, с Катей и Юрием. Ну а поскольку тогда, в первый раз, они от этой чести отказались, он, наверно, всерьез возомнил, что теперь, узрев его способности, они согласятся из страха.

Это зная то их! Видно, у мальчишки впрямь было что то не в порядке с головой.

Но поэтому и ждать от него можно было чего угодно. Катя даже предложила сгоряча выследить его и убрать, но тут же сама воскликнула:

– Боже, да что я такое говорю!

В конце концов они пришли к выводу, что им надо снова бежать и раствориться гденибудь так, чтобы мальчишка этот их уже никогда больше не нашел. Оставалось решить – куда?

Была еще одна проблема: чистых документов у них не имелось, а изготовить новые, такие же безукоризненные, сами они не могли. Нынешние документы Кате сделали в Лондоне, но туда путь для них был заказан.

Оставалось одно – возвращаться в Москву, там Юрий знал одного такого спеца, виртуозного мастера всяких липовых дел, когда то их еще покойный Борщов познакомил. За хорошую плату этот мог сфармазонить любую ксиву, хоть бы даже удостоверение члена правительства. Значит, надо было собираться туда. Кроме того, в Москве имелись многочисленные тайники – его, Юрия, личные «схроны» с разными полезными вещами, сделанные Васильцевым еще в бытность свою членом Тайного Суда. Теперь они могли очень даже пригодиться, поэтому снова же путь должен был лежать через столицу.

Как это ни смешно, завершающую точку поставил кот Прохор, доставшийся им в наследство от покойного Борщова. Этот привереда с трудом приноровился к здешней простой пище, да и то приноровился не полностью – всякий раз капризничал, похудел изрядно.

Когда то Борщов уверял, что его Прохор вполне понимает человеческую речь. Враль он был известный, но в данном случае, похоже, в его словах таилась какая то доля истины, ибо, лишь только услышав слово «Москва», Прохор заурчал раскатисто, прыгнул к Кате и благостно

к ней прильнул – видать, вспомнил столичные харчи, на которые никогда не скупился его прошлый хозяин, а знакомое слово возрождало надежду опять дорваться до всей этой вкуснятины.

И Юрий сдался.

– Ладно, – сказал он непонятно кому, Кате или Прохору, – в Москву так в Москву!

В ответ Прохор в чувствах даже лизнул ему руку, что вообще то котам не свойственно.

Оставалось решить вопрос с Полей. Конечно, следовало доставить ее домой, но попробуй ка это сделай, если девочка ни в какую не говорит, где ее дом.

К утру она вроде совсем поправилась, сама вскочила с кровати, хотела сразу начать что нибудь делать по хозяйству, но Юрий остановил ее, усадил рядом с собой.

– Вот что, Поленька, – сказал он. – Все так сложилось, что нам с Катей сегодня же надо отсюда уезжать, так что хочешь не хочешь, а придется тебе домой возвращаться. Так что давай уж, говори, где живешь.

Поля долго молчала, сопела и наконец ответила:

– Нигде.

– Ну а родители твои все таки – кто? – вмешалась Катя.

Снова долгое молчание и сопение в ответ, явно девочка соображала, можно ли с ними быть откровенной, и, видимо, в конце концов решив, что можно, произнесла тихо:

– Рубахины мы...

Теперь все становилось ясно. Семья раскулаченных Рубахиных, отец, мать и дочь, с год назад тайно обосновалась в землянке, в здешней тайге, Юрий их видел однажды. Но на днях все тот же подлец Бричкин выследил их, донес, и уже на другое утро всю семью погрузили в эшелон, уходящий еще дальше на восток, – все это Юрию рассказали верные люди. К нему здесь вообще относились с уважением и доверием. Однако о том, что дочке Рубахиных каким то путем удалось сбежать, он узнал только сейчас.

– Понятно... – вздохнул он. – И где же ты собиралась дальше прятаться?

Она пожала плечами:

– Не знаю... Может, новую землянку себе бы построила... Или ушла бы куда нибудь за Енисей, там, говорят, много таких прячется... – И вдруг взмолилась: – Дяденька Юрий, тетенька Катерина, а вы возьмите меня с собой в Москву! Я все умею, я вам обузой не буду, честное слово!

Тут и кот Прохор промурлыкал свое согласие и, трижды обойдя Полину по кругу, поместил ее своими боками и мордочкой со всех сторон. Своя, значит!

– Ну что с ней поделаешь, – покачала головой Катя, – придется ехать с ней.

На детском личике вспыхнула радость. Поля попыталась было поцеловать у Кати ручку, а когда та, убрав руку, пожурела ее за такие глупости, залопотала:

– Вы не бойтесь, на пропитание я себе сама заработаю. Могу стирать, кашеварить, шить могу. А то, если повезет, уборщицей где нибудь пристроюсь. Я слыхала, в этой вашей Москве уборщицы зарабатывают, как тут начальник сельсовета... А спать я и в сенцах, и под дверью могу. Только возьмите, дяденька и тетенька!

– Не говори глупости, – строго сказала Катя, – ни в каких сенцах тебе спать не придется, и на еду зарабатывать не понадобится.

– Так что, вправду возьмете? – все еще робко спросила девочка.

– Раз сказали – значит, возьмем, – заверил ее Юрий, и Поля даже запрыгала от счастья.

* * *

К отъезду особо и не надо было готовиться. Васильцев приклеил себе бороду из Катиных запасов всякой бутафории, Катя же какими то своими средствами навела в волосы седину,

накинула на голову и на плечи большущий старушечий платок, так что никто не усомнился бы – едут куда то старик со старушкой по своим делам и внучку с собой везут.

Проще всего было замести за собой следы. Юрий плеснул бензин на стены, чиркнул спичкой – через полчаса от дома остались одни головешки. Ктонибудь увидит – поймет: достали все таки браконьеры слишком бдительного лесника, а кто именно – здесь никто и искать не будет, дело обычное для тутошних мест, всех таких не переловишь. Разве что районное начальство озаботится: где теперь такого добросовестного и вдобавок непьющего лесника сыскать?

Выбирались так. Сначала прошли километров сорок по тайге до дальней станции, чтобы здесь ктонибудь случайно не признал. Поля ни разу голоса не подала, что устала: стойкая была девочка.

На той дальней станции сначала переодели Полю в тамошнем сельпо, и она сразу стала выглядеть, как бедная горожаночка. Себе тоже купили дешевенькое, но городское.

Потом, доехав до Свердловска, снова переоблачились – теперь уже в одежду получше, Юрий бороду свою отцепил, а Катя свой платок выбросила.

А если случись, кто то будет искать, куда делись те старик со старушкой? А никуда! Нету их! Может, и не было никогда, примерещились.

Когда скорым Свердловск – Москва прибыли в столицу, Юрий решил, что прятаться в какихнибудь трущобах последнее дело: там то их как нечего делать сразу и накроют – все тамошние давно под надзором у милиции, поэтому, не таясь (а честному человек чего таиться?), снял квартиру в большом доме на Первой Мещанской, с хорошей мебелью, даже с барским камином – благо, Катиных денег, оставшихся у нее с прежних времен, хватило бы еще на две жизни.

Хозяйке квартиры Юрий представился инженером, а когда та попыталась было уточнить, по какой части он инженерит, Васильцев так закатил глаза, что женщина сразу отлипла со своими вопросами, поняла: лучше ка поменьше про него знать – тогда, как говорится, и проживешь дольше.

Конечно, НКВД, он знал, быстро установит слежку за непонятным «инженером», но Юрия это сейчас меньше всего беспокоило – все равно дня через два их троих уже не будет в Москве.

Квартира была по нынешним временам просто роскошная: две комнаты, кухня с газовой плитой, ванна с титаном, особенно поразившая Полину. Девочка даже прослезилась, обозрев все это роскошество:

– Вот жила, жила, а и не знала, как люди по настоящему живут!

И Прохор довольно мурлыкал, уплетая дорогую печеночную московскую колбасу. Серьез, видно, по ней, бедняга, исстрадался.

Из осторожности Юрий врезал во входную дверь аж три новых, весьма надежных замка. Квартира была на шестом этаже, так что гостя, влетающего в окно, тоже можно было не остерегаться. Боялся он не за себя и не за Катю – уж они то могли за себя постоять, – а за Полю.

А оставаться одной ей приходилось бы часто: не для посиделок дома они с Катей приехали в Москву.

* * *

В первый день найти того липовых дел мастера не удалось, оказалось, он сменил адрес. Где он нынче обретается, никто из его дружанов не знал. Вывели только на какого то старого урку, первейшего дружбана этого фармазонщика, но тот жил в дальнем Подмоскovie, так что встречу с ним пришлось отложить до следующего дня.

А когда они вернулись домой, квартиру просто не узнали: нигде ни пылинки, натертый паркет сиял как зеркало, окна были отмыты до такой чистоты, что и Москва за ними выглядела

как то краше, посуда сверкала, двери больше не скрипели, мебель была переставлена, отчего квартира стала удобнее и выглядела даже больше, чем была. Да, хорошей хозяйкой оказалась эта Поля.

И как бы в подтверждение этого, Прохор сидел у нее на коленях и довольно мурлыкал.

– А где мастику взяла? – спросил Васильцев, глядя на сверкающий паркет.

– В магазине купила, тут, через дорогу. Я – на свои, честное слово! У меня три рубля своих оставалось, ваших я бы ни за что не взяла!

– Не в том дело, – перебил ее Юрий. – Выходить ты из дома не должна, вот что! Без нашего разрешения – никуда! И мебель больше не двигай, а то весь дом переполошишь. А в дверь будут стучать – не подходи, затаись и сиди тихо, как мышка, поняла?

И Катя добавила:

– Поверь, Поленька, мы это не просто так говорим. Это действительно очень опасно.

Поля на миг приуныла – видно, хотела побродить по улицам, посмотреть на неведомую Москву. Спорить, однако, не стала, пообещала с грустью:

– Хорошо, тетя Катенька, из этой вот комнаты – никуда.

Кажется, этой девочке можно было верить.

На другой день Васильцеву и Кате предстояло отправляться за город на поиски этого спеца по документам.

В электричке тряслись часа три, потом долго блуждали в поисках нужного дома.

Все оказалось напрасно – оказалось, еще месяц назад помер их спец. Напился, дурак, денатурата – и, посинев, отошел в одночасье. Так что теперь предстояло искать какой-то другой вариант.

Домой вернулись только к вечеру и, едва увидели Полю, сразу поняли: тут что то недавно произошло. Девочка вся дрожала как осиновый лист.

– Что случилось? – тревожно спросил Юрий. – Тебя кто то напугал?.. Кто?

– Он... – только и смогла ответить Полина и снова задрожала.

– Кто, кто «он»? – стала допытываться Катя. – Как он выглядел?

– Не знаю... – проговорила девочка. – Он был... Он был без лица...

С трудом удалось наконец понять, что лицо у неизвестного все таки, видимо, имелось, просто оно было перемотано какими то тряпками, а на глазах были странные, очень большие очки. Но в остальном он был вполне похож на человека, в том смысле, что имелись ноги, руки, голова.

– Только худенький очень, – добавила Поля, уже начиная приходить в себя. – Длинный такой и худенький. И голос то взрослый, а то детский совсем. Вообще, мне показалось, что это мальчик.

– Ясно... – произнес Юрий. Теперь он не сомневался, что знает, кто это был.

– Ладно, – сказала Катя, – ну а в квартиру он как попал? Дверь открыл?

Поля покачала головой:

– Нет, он – не через дверь. Он вошел через окно.

– Что значит «вошел»? – не поняла Катя. – У нас шестой этаж. По лестнице влез?

– Нет, он вошел, – упрямо повторила Поля. – У него там подставка была, с нее и вошел.

А потом на нее и назад из окна вышел.

Сопоставив это с внешним видом незваного гостя, Юрий догадался наконец:

– Да он под пескоструйщика вырядился.

Катя кивнула, ей никогда не надо было объяснять лишнего. Возле дома на соседней улице еще со вчерашнего дня работала бригада пескоструйщиков – они, пескоструйщики, стоя на подмостках, струями песка отчищали стены домов от застарелой грязи. И вид у пескоструйщиков был вполне для этого подходящий: маска на лице, защитные очки, чтобы песок не попал в глаза.

Но с их домом эта бригада пока что не работала. Нетрудно было догадаться, что именно произошло. Кто то угнал машину с такими подмостками и соответствующий наряд, ну а дальше все просто.

Догадаться, кто на такое был способен, не требовало большой сообразительности.

– А с тобой он что сделал? – спросил Юрий. – Ударил?

Покачала головой:

– Нет, не бил. Я просто испугалась очень, слова не могла произнести.

– А он что то говорил?

– Да... Сказал, чтобы я не боялась, сказал, что я ему не нужна. И велел передать вот это. – Она протянула Юрию скомканную бумажку, которую сжимала в руке.

Сверху на бумажке стояло пять знакомых букв: «S. S. S. G. G», а ниже написано не слишком поставленным, почти детским почерком: «До скорой встречи! А пока подумайте». Вместо подписи стояли лишь инициалы: В. В.

– Викентий второй, – догадался Юрий.

Катя кивнула.

Да, быстро же он их выследил! Выучка!

Но один след он все таки оставил, хотя это показалось Юрию странным. При такой выучке обычно не оставляют следов.

Но – что ж! Если след оставлен, то по нему нужно и пойти. Юрий пока не знал, что он будет делать, когда наконец найдет этого юного наглеца, но как будет его искать, по крайней мере, теперь себе ясно представлял.

Оставалось надеяться, что ночь пройдет спокойно, а уж завтра с утра...

Да, он знал, что завтра делать...

Глава 6

Стопами апостолов (Продолжение)

Викентий лежал на ворохе соломы (он пристроился ночевать на чердаке этого заброшенногодомишки на самой окраине Москвы, а особые удобства его никогда не заботили) и думал, думал...

Да, непростой нынче фрукт был этот самый Васильцев, такого на кривой козе не объедешь, а ведь когда то его Чокнутым называл!

Но и он, Викентий, теперь не тот пацан, что был пару лет назад, теперь он непременно найдет к этому Васильцеву нужный подход.

В прошлый раз, когда говорил с ним и его женщиной в том доме на Тверской, неправильно он себя повел. Тогда все сказал им прямо в лоб, а так поступать никогда нельзя. Еще покойный Викентий Иванович учил, что ко всему основательный подход нужен.

Что ж, он, Викентий второй, уж как нибудь отыщет этот нужный подход! Те сбежать решили, но он их выследил – уже удача!

Нет, просто удача, она только у дураков бывает, а тут – умение! Надо надеяться, что при его умении и дальше все так же удачно пойдет.

Рассказать бы этому Васильцеву, сколько раз он, Викентий, спасал ему жизнь, – может, тот и по иному с ним бы в тот раз разговаривал. Но рассказывать было бессмысленно. На что рассчитывать? Что тот из благодарности сразу поддастся на уговоры?

Нет, такие вещи просто за спасибо не делаются.

А спасал – да, было такое. Да как хитро! Даже сейчас приятно было вспомнить...

* * *

Этого Треугольного ему когда то Викентий Иванович показал и поведал такую историю.

Служил мужик по фамилии Барабанов в артиллерии в империалистическую войну, там ему и снесло австрийским снарядом половину башки. А вместо этой половины ему в госпитале треугольник гуттаперчевый приляпали.

Но это неважно. Суть в том, что после этого открылась в треугольном Барабанове способность мысли чужие читать на расстоянии. Он на этом своем таланте поначалу какую то мелкую деньгу зарабатывал, пока его не обнаружил сам товарищ Глеб Бокий, чьим именем даже пароход назван, возящий эков на самые Соловки. Приютил его товарищ Бокий, пригрел. С той поры и стал Треугольный секретным агентом по кличке Рентген, и столько, говорят, людей засадил, что и не перечесть!..

Ох, не случайным показалось Федьке, что Треугольный возле подъезда этого Васильцева обозначился!

Самого Васильцева он, Федька Викентий, теперь уже Чокнутым не называл, потому как знал от Викентия Ивановича, что не занимается больше этот хромой Васильцев своей дурацкой математикой хреноматикой и истопником больше не работает, а занимается теперь, напротив, настоящим делом: теперь он член Тайного Суда, в заседаниях участвует, фартит же некоторым!

Как раз нынче (Федька Викентий это знал) должно было состояться одно такое заседание, для того то Васильцев сейчас из дому и вышел. И тут – на тебе! – Треугольный!

Он, Федька, сейчас просто Федька, все внимание – на него.

Приблизился Треугольный к Васильцеву, с минуту шлепал за ним – да вдруг стал как вкопанный. И на роже полное смятение написано, аж челюсть отвисла.

Сразу Федька понял – беда! Похоже, в один миг раскусил Треугольный Васильцева, теперь знает все – и куда тот идет, и зачем, и вообще все про Тайный Суд теперь знает. Ну, целиком, конечно, всего не понимает своей треугольной башкой, но чувствует, чувствует, гад, что на что то очень важное вышел.

Так постоял, постоял, ошарашенный, да и развернулся идти в другую сторону. А это, стало быть, – на Лубянку. К гадалке не ходи – все сейчас вчистую там выложит!

Надо как то действовать – а как?!

Тут женщина, позади этого Барабанова проходившая, вдруг рубль обронила да и, не заметив, пошла себе дальше. И Треугольный тоже не заметил. Федька только подумать успел, что надо бы сейчас рубль подобрать (Федьке Викентию он без надобности, а Федуле то – очень даже). Еще и не дернулся к рублю тому устремиться, а Барабанов – будто ему в ухо крикнули: мигом обернулся, ту рублевку увидел, схватил – и к себе в карман.

Понял Федька – вправду, похоже, чувствует чужие мысли в воздухе этот, с гуттаперчевой головой.

Решил, однако, на всякий случай еще проверить – поэкспериментировать, как говорил Викентий Иванович.

Барабанов как раз в это время под деревом стоял. Никаких птиц на дереве не было, но Федька подумал изо всех сил – убедительно подумал, так, что сам поверил почти: «Ого! Ворона на дереве сидит! Вон, какнуть приготовилась!.. Шас какнёт в точности этому, с треугольной башкой, прямо на эту самую башку – во смеху то будет!..»

Снова все точно! Барабанова от этого дерева как ветром отнесло. Голову свою треугольную задрал, стоит, смотрит – где ж она, та ворона?

Еще, наверно, полчаса Федька так изгалялся над ним – то трамваем его припугнет (во всю силу представив, что стоит этот гуттаперчевый на трамвайных путях, а трамвай мчится прямо на него); тот сразу как ошалелый – в сторону. То представит себе, что из рогатки в него какой то мазурик целится из за своего котла – и тот немедля норовит за фонарный столб спрятаться.

Но шутки шутковать – оно, конечно, для какогонибудь Федулы дело и веселое, а Федьке Викентию уже пора было решать, как с этим калеченым теперь быть.

К Викентию Ивановичу бежать?.. Но того сейчас дома нет, ушел на заседание Тайного Суда. А если б даже и был – пускай бы Федуло бегал, а тому Федьке, который теперь Викентий, надобно научиться решать самому.

Напряг Федька Викентий изо всей силы мозги – и таки додумался наконец.

Да как, вправду, здорово все придумал! Самому Викентию Ивановичу не зазорно было бы!

В чем главная сила этого, с треугольной башкой? В умении всякую чужую мысль чутко ловить. А в чем сейчас Федькина слабость? В том, что от мыслей своих не убежишь. Так значит, и бежать от них не след! Надо слабость эту обратить в свою же силу! И с трамваем то, и с вороной – вон как лихо получилось! Но то было – для своего удовольствия; а если для пользы?

Для пользы дела думать надобно о таком, чтобы Треугольного за самую душу зацепило. А он жадный, этот Барабанов, сразу видать – вон как за рублевкой порхнул быстро! Так и думать надобно о них, о деньгах...

И представил себе Федька тех денег целую пачку – он такую у Викентия Ивановича однажды видал.

Бумажки новенькие, обрез у каждой пачки синевой светится, поверх – крест накрест банковская бандероль...

При этих его мыслях Барабанов медленно как то стал башкой своей треугольной то в одну, то в другую сторону шевелить и спину слегка почесывать, словно вши по ней вдруг разгулялись.

Стало быть, проняло калеченого!

А значит, думай, Федуло, думай крепче!..

Пачка такая не одна! Целый ящик таких пачек! Сотня их там... нет, двести даже штук!

Тесненько так лежат друг к дружке... А всего деньжищ там не меньше как на мультён!..

Совсем плох стал Барабанов, места себе не находит. Головой вертит во все стороны, руки дрожат – все папиросы в лужу рассыпал. Даже подбирать не стал: чего их подбирать, когда целый мультён живых денег лежит где то поблизости?

Ну а где он спрятан, тот мультён?..

А вот где!

В проулке, в том, что слева, – во во, в этом самом, куда Барабанов голову при его мыслях повернул! – за одноэтажным деревянным домишком железный люк в мостовой...

А проулок такой, что никто почти там не ходит...

И ежели по незаметному тот люк приподнять, то под ним, родимым, тот ящичек с мультёном как раз то и прячется!..

Очень живо это все Федька себе представил, потому что и проулок, и люк тот видел не раз.

Понятно, никакого мультёна в люке никогда не лежало, а прятал там вор по кличке Цыган свой маузер, потому как сам со своей марухой Стрелкой в этом деревянном домишке жил, а маузер в люке прятал на случай облавы – Федька однажды нечаянно проследил. Понятно, никому рассказывать не стал – Цыган, прознай он о том, в минуту башку бы отвинтил, не замедлился.

Но про маузер Федька сейчас не думал вовсе – уже сам верил, что в люке ящичек с толстыми, новенькими денежными пачками. С мультёном!

Хороший такой ящичек, струганый! А пачки в нем – и вовсе любо дорого посмотреть!..

Так размялся, что не заметил, как этого Барабанова уже и след простыл...

Хотя нет – вон мелькнула треугольная башка как раз при входе в тот самый проулок. Шустро торопился гуттаперчевый за смертью за своей...

Он же, Федька, – со всех ног к домишке тому деревянному, только с другой стороны. И ну колотить кулаками в дверь, ну орать:

– Дяденька Цыган, дядечка Цыган, откройте, дядечка Цыган!

Дрожал, конечно: Цыган – гроза всей Сухаревки; помня, однако, что нынче он не какой то Федуло, а Викентий второй, кое как перемог свой страх.

Цыган наконец открыл, рожа заспанная, от самого перегаром разило за версту, потому был злой как черт и со зла, известно, на все способный.

– Ты чего, мазурик? Жить, что ли, наскучило?

И маруха его, Стрелка, голос подает:

– Кого там принесло? Поспать не дадут, черти! Дай ему, Ванечка, по макитре, чтоб не очухался!

– Простите мазурика, дядечка Цыган! – заторопился Федька, покуда вправду по макитре не получил. – Там, за домом, какой то шнырь люк открывает. Думаю – надо бы вам по быстрому сообщить.

Цыган хоть и был после попойки, но башка, видно, еще кое как работала, мигом все сообразил.

– Шнырь – один? – спросил.

– Да один одинешенек! Хилый такой! С башкой треугольной!

– И давно он там шустрит?

– Да вот только что люк открывал, гад. Я, как увидел, сразу к вам!

Маруха, видно, в окно выглянула – тоже из комнаты подтвердила:

– Ой, Вань, а он уже влез!.. Точно, треугольный! Вот же урод!

– Щас поглядим, с какой он башкой будет, покойник... – прохрипел Цыган. С этими словами оттолкнул Федьку, вышел и завернул за угол дома.

А Федька – назад, на Сухаревку. О Барабанове уже можно было и не думать: лишнее. Уж Цыган то о нем позаботится. К лету, глядишь, отыщут. Может, тогда и узнают по гуттаперчевой голове...

Викентий Иванович, когда Федька ему обо всем рассказал, сначала похвалил, сказал:

– Действия вполне зрелого мастера. – Такой похвалы от своего названного отца он еще не слышал.

А на другой день спросил:

– Сколько ты классов то окончил, оголец?

От этого вопроса Викентий второй при своих трех классах снова почувствовал себя Федулой. С тех пор, как родители померли с голодухи, не до учебы было. Главная наука была – еще одну зиму перезимовать.

Но Викентий Иванович сказал:

– Вот что, завтра же подашь заявление в вечернюю школу. И чтобы там у меня без халтуры! Чтобы за год по два класса одолевал, в нашем деле безграмотные не нужны.

Ясное дело, он, Федька Викентий, поступил в точности как было велено. Особенно подогревали эти слова «в нашем деле».

Значит, Викентий Иванович держал его уже целиком за своего!

* * *

А теми своими действиями на Сухаревке гордился в особенности. Правда, Треугольный выжил все таки, говорят – недоработал, значит, Цыган. Его потом свои же, из НКВД, из того люка вытащили полуживого, только он, слава богу, уже не помнил ничего.

И замочили его потом тоже свои – машиной переехали. Ладно, все равно был не жилец при этих своих умениях...

Правда, Викентий Иванович рассказывал, что имелся у НКВД еще некий Афанасий Хведорук, тоже находка Глеба Бокия, – тот раз в сто превосходит этого Треугольного по своим способностям; интересно, смог бы тогдашний Федуло и его перехитрить? И вообще – посмотреть бы в деле на этого самого Афанасия!

Но того прячут особо тщательно, едва ли их дороги когданибудь пересекутся, – так он думал, когда впервые услышал об этом Афанасии.

А теперь мог предположить, что когданибудь да и пересекутся их пути дороги. Потому как случайно узнал, что и на Васильцева тот Афанасий тоже, оказывается, подрабатывает.

Что ж, поглядим, кто кого!

Но как ему хотелось, чтобы Васильцев знал, как спас его тогда какой то неведомый ему Федуло с Сухаревки!

Да что толку? Дела прошлые. Другие теперь времена, и другие, совсем другие к нему подходы нужны.

Что ж, будут ему и другие...

Глава 7

Ложный след. Состязание

Утром Катя отправилась искать другие каналы для добычи новых документов, а Юрий, заперев окна на все шпингалеты и еще раз строго настроив приказав Полине сидеть тише воды, отправился по следу. В кармане лежало имевшееся у него еще со времен Тайного Суда удостоверение на имя капитана государственной безопасности Блинова.

В двух автопарках, обслуживавших бригады пескоструйщиков, его клятвенно заверили, что ни одна машина с подъемником не пропадала ни на минуту. Серьезность удостоверения была достаточным залогом того, что ему не врут.

Зато в третьем автопарке начальник повел себя как то неуверенно, и Васильцев сразу же на него наехал – произошло де в Москве уже три крупных ограбления с использованием такой вот пескоструйной машины с подъемником, так что, если он, начальник автопарка, не хочет, чтобы его заподозрили как соучастника...

Тот прикинул все плюсы и минусы своего молчания и наконец выдал:

– Да Колька Шурыгин баловал вчера...

Васильцев по жестче взял его в оборот и в конце концов выяснил: молодой водитель автопарка, некто Колька Шурыгин, вчера утром выехал на машине с подъемником, не захватив с собой бригаду, а вернулся лишь после шести вечера, причем как он вернулся живым, черт его знает – пьян был настолько, что на ногах не держался и внятных слов не произносил. Машина, однако, целехонькая стояла у ворот автопарка – подвез, видно, ктонибудь его, сукиного сына.

Но больше, как пообещал начальник, ноги этого Шурыгина тут, в автопарке, не будет, кроме как при подписании обходного листа... И в общежитии доживает последний денек, потому как он, начальник автопарка, уже дал коменданту соответствующее распоряжение...

Через несколько минут Васильцев входил в безлюдное среди трудового дня рабочее общежитие.

На стук в дверь комнаты, где последний день обретался Шурыгин, никто не ответил. Из под двери густо сочился запах разложения.

Юрий поднажал плечом, легко выдавил какой то несерьезный шпингалет – и самого чуть не вывернуло наизнанку. На полу валялись растоптанные шпроты вперемешку с окурками и квашеной капустой, на столе тухли объедки вареной колбасы и залитые пивом ошметки недожеванной рыбы. Надо всем этим роились жирные мухи, довершая картину чьей то вчерашней трапезы. Форточка была закрыта, оттого в комнате стоял смрад, как от перестоявшейся помойки.

Одна койка была заправлена, на другой поверх голого, пахнущего мочой матраса, свернувшись калачиком, лежала какая то полуодетая встрепанная личность с опухшей и довольно побитой рожей.

Перво наперво Васильцев, подзадержав дыхание, распахнул окно, а то дышать было невмочь, затем выплеснул на личность всю воду из стоявшего на тумбочке стакана и, когда та задергалась: «А?.. Что?..» – сказал:

– А то, Николай, что серьезно разговаривать мы с тобой сейчас будем.

Колька приподнял голову, взглянул на него щелочками глаз и произнес одно лишь слово:

– Отзынь... – и потянулся было к бутылке с пивом на самом донышке.

Однако, получив от Васильцева хороший удар ребром ладони по плечу, оставил свою попытку и без обиды довольно заинтересованно спросил:

– Джиу джитсу?

Вместо ответа Васильцев сунул открытое удостоверение поближе к мутным все еще глазам Шурыгина и повторил весьма сурово:

– Разговаривать сейчас с тобой будем, ты понял, Николай?

Шурыгин находился в таком одеревенелом состоянии, что даже эта грозная книжица с буквами НКВД ожидаемого впечатления на него не произвела.

– Промежду прочим, – отозвался он, – имею полное гражданское право находиться тут до вечера.

– О твоих гражданских правах сейчас то с тобой и поговорим, – кивнул Васильцев. – Если не ответишь, куда вчера машину угонял, загремишь у меня немедля не по сто шестьдесят второй статье за разбазаривание госимущества, а по самой пятьдесят восьмой бэ: «Пособничество врагу». А что по такой статье бывает дальше – слыхал?

Шурыгин захлопал глазами.

– «Вышка» по ней бывает, – пояснил Васильцев.

Статья, может, и не так испугала Николая, думавшего о чем то более насущном, но когда Васильцев добавил, что отправит его в КПЗ без опохмелки, язык у Шурыгина мигом развязался.

– А что ж, – промычал он, – этот хмырь машину, что ли, в автопарк не пригнал?

– Так! Давай ка с начала, – сказал Юрий. – Что за хмырь, зачем ему понадобилась машина?

Колька снова потянулся к бутылке, снова получил по руке и спросил:

– А если скажу – тогда опохмелиться дадите?

– Тогда дам, – пообещал Юрий. – Ну, выкладывай: что еще за хмырь?

– Да шепутной такой, – поглядывая на заветную бутылку, заторопился Шурыгин. – Жену хотел пужнуть. Шутник большой!.. Подымусь, говорит, на подъемнике и буду перед окошком стоять. Жена как увидит – сразу с копыт! Представляешь! Этаж то двенадцатый, а он себе стоит хоть бы хны!.. Ничего шуточка, а?.. Если из автопарка не попрут, сам какнибудь своей Верке такое устрою!..

– Дружок твой? – перебил его Васильцев. – Кто такой, быстро выкладывай.

– Да в первый раз его видел, вот ей ей! – Шурыгин даже сделал попытку перекреститься, да не смог – видно, руку ему Васильцев отбил основательно.

– И что же, – нахмурился Юрий, – ты за просто так чужому человеку казенную машину уступил?

Колька удивился:

– Кто ж это станет – за просто так? За просто так и кошка не мяукает. Он мне четвертной отвалил. И паспорт в залог оставил.

– Так, – насел Васильцев, – давай быстро: фамилия его по паспорту?

Шурыгин почесал пятерней в лохматой голове.

– Гм, фамилия... Звали Лёхой – это точно! Алексей Степаныч... А вот фамилия... Вчера же помнил, а вот сейчас... Что то военно морское вроде... Вот если б щас пивка...

В такое чудодейственное свойство пивка Васильцеву не поверилось, и Колькину попытку потянуться к бутылке он снова пресек.

– Адрес ты тоже, конечно, не помнишь? – спросил он.

Однако на этот вопрос Колька Шурыгин почему то даже обиделся.

– Чего ж не помню? Совсем, что ли, без головы? На Юных Ленинцев он живет. Я сам поблизости там когда то жил... А дом номер... Да там только один в двенадцать этажей! А номер – нет, не помню... Вот разве если пивка...

Больше мучить его жаждой Васильцев не стал. Колька жадно приник к бутылке, и на лице его расплылось что то похожее на счастье.

– Вот что, – сказал Юрий, – есть у нас сведения, что этот твой, с военно морской фамилией, – опасный шпион вредитель, так что если соврал, ответишь по полной, – и пока Шурыгин хлопал глазами, он, не прощаясь, поскорей выскочил из этого смрада.

Конечно, если тем шутником Лёхой в действительности являлся сын Викентия, то паспорт был наверняка липовый. Тем не менее все следовало проверить до конца.

Вскоре Васильцев приехал на улицу Юных Ленинцев. Двенадцатиэтажный дом здесь действительно был единственный, с винным магазином на первом этаже.

Не зная, как быть дальше, в этот магазин Юрий зачем то и зашел: в таком месте всегда можно услышать что нибудь полезное.

После рабочего дня очередь за выпивкой стояла немалая. Васильцев тоже стал в эту очередь и начал прислушиваться к разговорам.

Но чтобы удача настигла так быстро, такого он никак не ожидал!

Какой то забулдыга сказал другому:

– Слыхал, что Лёшка Кораблев из девяносто шестой квартиры вчера отчубучил? Ему Раиска его пить не дает, так он с ней поквитаться решил!.. После его шуточки бабу прямо в больницу с сердцем увезли.

– А что он?

– А то! Подогнал к дому, понимаешь, машину с подъемником...

Больше Васильцев слушать не стал, вышел на воздух. Все сходилось, даже фамилия (и тут не соврал Колька) была вполне военно морская: Кораблев.

И означать это могло только одно: Викентий младший тут был ни при чем, тот ни за что не стал бы светить подлинным паспортом да еще размениваться на подобные шуточки. Значит, этот день был потерян – с утра он, Васильцев, шел по ложному следу.

* *

Все замки на входной двери были целы, но едва Юрий переступил порог квартиры и был встречен лишь котом Прохором, он сразу понял – беда! Полины нигде не было. Уйти из дому она не могла, не такой она человек, чтобы решиться на послушание. Значит...

Собственно, достаточно было прочесть письмо, оставленное на виду, на обеденном столе в гостиной. Конверт лежал поверх какой то пухлой папки.

Первым делом Юрий распечатал конверт и прочел:

Дорогой Юрий Андреевич.

Можете пока не беспокоиться, Полина Ваша жива и здорова; даю слово заботиться о ее целостности и здоровье и впредь.

Теперь – что касается наших с Вами дел.

Вам уже частично известно, на что способен я (о, клянусь, это только малая толика моих умений!), но неплохо бы и мне проверить, на что способны Вы, а то как то больно односторонне все у нас пока получается.

Однако перейду к делу. На столе перед Вами лежит папка со всеми документами, касающимися некоего комиссара государственной безопасности 3 го ранга Палисадникова. Вкратце скажу – зверина тот еще! О том, что творит с заключенными в Сухановской спецтюрьме, даже тошно рассказывать; впрочем, сами все в этой папке найдете. Увидите: истинный садист, из тех, кому не место на земле. (Как я достал папку, пускай останется моим маленьким секретом.)

Вы, правда, насколько я знаю, с некоторых пор являетесь противником убийств, не так ли? Посему предлагаю комиссара этого как то навсегда нейтрализовать, оставив его тем не менее в живых. Я, со своей стороны, попытаюсь сделать то же. Вопрос в том, кто из нас двоих окажется проворней.

Условие мое таково. Если Вы меня опередите, – что ж, получите назад свою Полину; мало того, обещаю, что навсегда исчезну из вашей жизни.

Если же первым окажусь я – тогда...

Впрочем, не будем опережать события.

Чтобы условия были равными, даю слово, что я начну осуществление своего плана не ранее чем завтра в 10 часов утра, так что у Вас, надеюсь, хватит времени подготовиться.

Итак, все в Ваших руках.

Уважающий Вас (пока) и желающий Вам всех успехов

В. В.

Подпись, надо полагать, означала Викентий второй.

Васильцев скомкал письмо. Состязание – вот что, оказывается, предлагал ему этот наглец!

Про комиссара Палисадникова Юрий и без этого досье был наслышан. Прослыть зверем и садистом не гденибудь, а в НКВД – это надо было постараться.

Удивляло вот что: все это было совсем не в духе Тайного Суда – по уставу, Суд не имел права вмешиваться в политическую жизнь государств, так что покушение на Палисадникова, пускай садиста и палача, но садиста и палача политического, никак не вписывалось в этот самый устав. Но, поскольку к Тайному Суду он, Юрий, себя давно уже не причислял, то мог бы, конечно, и сделать предложенное этим вторым Викентием. Иное дело – сам этот, черт бы его побрал, В. В.: он то метил в палачи Суда, стало быть, уставу должен был оставаться как раз верен.

После некоторых размышлений Юрий пришел вот к какому выводу. Главное для палачонка было втянуть его, Васильцева, в свои дела, а дальше уже можно будет им манипулировать, ради чего можно было на какое то время и пренебречь уставом. Вероятно, таков был его замысел.

Бесило, конечно, что этот юный негодяй навязывал ему состязание, но, с другой стороны, он, Юрий, и безо всяких состязаний был не прочь подстроить для подонка комиссара чтонибудь эдакое...

Не приняв пока никакого решения, Юрий вышел в прихожую, поставил стремянку и полез к замаскированной дверце в стене. Эту ловушку для неожиданного пришельца он приготовил еще вчера, работал над ней полночи.

В сущности, устройство было не такое уж хитрое. За этой дверцей с едва заметным отверстием для объектива находился фотоаппарат «лейка». Все было сделано так, что фотоаппарат реагировал на любое открытие входной двери, и гость неминуемо попадал в кадр.

Достав фотоаппарат, Юрий отправился в ванную проявлять пленку. Когда, однако, вышел с пленкой и посмотрел на просвет запечатленный кадр, ему оставалось только в сердцах выругаться.

С кадра ему улыбался популярный артист Марк Бернес.

И тут, выходит, сын Викентия его обошел. Да, шустер был, тут ничего не скажешь!

Самым отвратительным было то, что его снова втягивали в тот мир, из которого он вырвался с таким трудом, – в мир, которого не должно было быть.

Но, говоря по правде, даже этот весьма паскудный мир станет без садиста Палисадникова хоть на крохотную толику, но все таки чище.

«Что ж, – решил Васильцев, – состязание так состязание. Ты у меня еще посмотришь!» Вернуть Полю и добиться, чтобы этот сукин сын навсегда оставил их в покое, – ради этого стоило принять вызов наглеца.

Наконец он открыл оставленную на столе папку. С фотографии на первом листе на него смотрел отвратительный альбинос в совершенно не уставных темных очках. За эти самые очки почему то сразу и уцепился Васильцев, ведь что то же они должны были означать.

Чтоб не узнали? Ерунда! Такого не узнать трудно. Фотография к тому же делалась для сверхсекретного личного дела, а он там – как на пляже. Ох, неспроста, неспроста!..

Листая бумаги в папке, Васильцев пропускал все подвиги этого комиссара и все представления к наградам как вещи в данном случае несущественные. А вот некоторые казалось бы незначачие мелочи вдруг приобретали далеко идущий смысл. Например, это: прошение комиссара о покупке для него за границей неких особых очков.

В конце папки были всякие медицинские документы. Юрий внимательно их изучил и лишь благодаря им наконец начал понимать, что ему делать.

Катя вернулась к вечеру, новые документы были при ней: и на них двоих, и на их «дочь» Полину. С этими документами могли бы уже завтра убраться из Москвы и найти себе новое пристанище.

Но теперь, узнав обо всем, Катя сказала твердо:

– Без Полины – никуда.

Юрий был того же мнения.

А ночью Катя застала его за странным занятием: он плавил стекло в консервной банке, помешивая и подсыпая туда какой то порошок.

Она посмотрела на него, как на психа. Потом спросила:

– Это ты такой ужин готовишь??

– Нет, – усмехнулся Юрий, – готовлю подарочек для одного комиссара.

Не погружаясь в долгие объяснения, Васильцев снова окунулся в свое занятие.

Глава 8

Очки комиссара и волкодав старшего майора

В медицинской карте комиссара Палисадникова Юрий вычитал вот что. Комиссару со временем грозила полная слепота – глаза этого альбиноса не переносили ультрафиолета.

В сущности, любое стекло почти не пропускает ультрафиолет, но даже те крохи его, которые все таки проходили через обычные очки, были для этого комиссара совершенно губительны. Вот почему до поры он носил только затемненные очки, не предусмотренные уставом (приходилось каждый год особое разрешение испрашивать), пока откуда то он не узнал, что в Америке начали выпуск особых очков, стекла которых не пропускают ультрафиолетовые лучи вовсе.

Для него такие очки дорогого стоили, даже от очередного ордена отказался, если взамен ему купят за валюту вот такие вот очки.

Комиссар в своем ведомстве находился на особом счету, и в виде исключения для него это сделали: через посольство в Вашингтоне приобрели для комиссара заветные очки, которые он с тех пор и носил не снимая.

И еще одну привычку комиссара узнал Юрий (благо, от бдительных чекистов ни одна деталь не ускользает, и все немедленно подшивается к личному делу). С некоторых пор комис-

сару не нравилось его надувшееся пивное пузцо, поэтому по утрам он делал обязательную физзарядку – каждый день минут по сорок бегал трусцой по Сокольническому парку, вблизи которого жил.

Теперь, сведя вместе эти детали – очки и утренние пробежки, Юрий был уверен, что комиссар наконец получит то, чего заслуживал...

Утром Юрий, слегка изменив внешность, был уже в Сокольниках, неподалеку от дома, в котором жил комиссар. В кармане у него лежали изготовленные им за ночь очки, с виду точно такие же, как те знаменитые комиссарские, купленные в Америке, но только со стеклами, имеющими прямо противоположные свойства: они не отсекали ультрафиолетовые лучи, а, наоборот, усиливали их многократно. Для такого, как комиссар Палисадников, достаточно было в солнечный день минуты две посмотреть на мир через эти очки – и печальная участь слепца была ему обеспечена до конца дней.

Комиссар в спортивном наряде, в знаменитых своих очках вышел из подъезда в сопровождении охраны, как обычно, ровно в половине одиннадцатого и устремился к Сокольническому парку.

Васильцев, изображая праздношатающегося, не спеша двинулся за ним.

Охрану, предварительно прочесавшую парк, комиссар затем отправил назад, к входу, и, тряся своим бесформенным пузом, начал пробежку.

Юрий вслед за ним вышел на круговую дорожку. Из досье он знал, что Палисадников всегда делает по этой дорожке ровно десять кругов, и решил осуществить замысел на пятом круге, когда комиссар несколько подустанет, и охрана, оставленная снаружи, тоже притомится наблюдать за этим пузотрясением.

Первый круг... Второй...

По задумке, должно было быть так. Он, Васильцев, переходя дорожку парка, нечаянно столкнется с комиссаром. Это столкновение они с Катей отрабатывали долго, каждое движение было выверено и многократно отрепетировано. В результате очки с комиссарского носа должны слететь, но так, чтобы он, Юрий, сумел поймать их на лету и вернуть комиссару.

Вот только очки при этом будут уже, конечно, другие...

Четвертый круг...

Наконец, вот он, пятый!..

Юрий приготовился...

Но когда комиссар пробежал половину этого пятого круга и на какое то время оказался вне зоны видимости, там, вдали, произошло нечто, никак не вписывавшееся в план.

Что именно случилось, Юрий не понял – лишь услышал, как Палисадников вдруг дико заверещал. Слышны были только отдельные слова: «...Да я тебя!.. Что ж ты делаешь, сучонок?! Сотру в порошок!.. Очки! Мои очки!.. Очки отдай!.. Что это, что?! Убери!..» Дальше последовал только протяжный жалобный вой.

Три дюжих охранника уже мчались к месту происшествия. Юрий не слишком быстро, чтобы не привлечь к себе их внимание, двинулся следом...

На дорожке валялись очки, рядом, закрыв руками глаза, катался по земле комиссар и верещал:

– Мои очки!.. Он сыпанул мне что то в глаза, гад!.. Ну, дайте же мои очки!..

Чья то тощая фигура стремительно удалялась в сторону другого выхода из парка.

Один из охранников подал очки. Комиссар, не вставая, поспешно их надел, немного покрутил головой и вдруг заголосил на весь парк:

– Черт! Не вижу!.. Ничего не вижу!.. Ослеп!..

Дальше он уже только вопил протяжно, на одной ноте: «А а а!..»

Юрий бросился вдогонку за убегающим. Больная нога заныла, но ему сейчас было не до того, чтобы обращать на это внимание.

Однако преследуемый явно превосходил его в беге. Когда Юрий добежал до забора, тот уже через этот забор лихо перескочил, впрыгнул в явно ожидавшее именно его такси, и машина рванула с места. Даже номера Юрий не успел разглядеть.

Исчез, гаденыш! Растворился! И – никаких зацепок...

Впадать в панику он, Юрий, просто не имел права. С трудом он собрался с мыслями.

Конечно, палачонок мог зайти в парк давным давно, но отчего то Юрий верил его записке, в которой тот обещал, что начнет действовать не раньше десяти утра. Вера была, конечно, хилая, но Юрий почему то чувствовал, что тот сдержит слово: таким типам доставляет почему то особое удовольствие обскákat противника без всякого видимого обмана.

Что ж, если положить это в основу, то он должен был появиться где то вблизи парка уже после Юрия...

Нет, такого не могло быть, Юрий его бы узнал.

Парк охрана прочесала основательно, значит, он прятался где то снаружи.

Где?..

Васильцев попытался поставить себя на его место. Скорее всего, он сам перелез бы через забор уже после начала пробежки комиссара.

А что делал бы перед тем?

Ясное дело, вел бы наблюдение. Вот только – откуда?

Да вон из того дома, из лестничного окна. Да, это удобнее всего.

Мало надеясь напасть на какойнибудь след, Юрий все таки вошел в подъезд этого дома, принадлежащего, как и дом Палисадникова, НКВД, – когда то покойный Викентий на всякий случай обрисовал ему, Юрию, дислокацию их гнезд по всей Москве.

Теоретически палачонок должен был оставить какуюнибудь зацепку. Васильцев знал – невозможно не оставить вообще никаких следов. Конечно, было маловероятно, что он, Юрий, эти следы обнаружит, но что то же надо было делать.

Он вошел в подъезд.

И надо же! След действительно обнаружился!

Возле окна второго этажа, под двумя другими надписями, нацарапанными гвоздем на стене: «Валерка Сидоров – козел» и «Светка Терентьева простЕтутка», имелась третья надпись, совсем свежая: «Письмо – под подоконником. – В. В.»

Васильцев сунул руку под подоконник и действительно нащупал там конверт.

Письмо гласило:

Васильцев! Вы оказались нерасторопным, но только самую самую малость. Могли бы меня и опередить, если бы относились ко мне более серьезно.

Да и перемудрили небось, как все математики, лишний мудреж всегда только мешает. Проще надо, проще, Васильцев: повалить, да и порошочком в глаза – вот и вся недолга. Знал, что Вы, как всегда, перемудрите, оттого и не сомневался в успехе.

Что ж, пусть это послужит Вам уроком.

Значит, все предвидел заранее, ко всему подготовился! Даже записку оставил, не сомневаясь, что все будет именно так. Да, такого берегись!

Но на этом послание не заканчивалось, далее следовало:

И все же, думаю, наше состязание (полагаю, еще не последнее) можно считать закончившимся почти вничью, поэтому с девчонкой вашей в ближайшее время по прежнему ничего плохого не произойдет, а дальше время покажет.

Значит, опять собирался втянуть его, Юрия, в свои жестокие игрища. Этот мир, которого не должно было быть, все глубже засасывал.

На обороте было написано:

Кстати, если Вы сейчас читаете мое письмо, значит, стоите как раз напротив квартиры № 48. Там проживает (или уже – проживал) небезызвестный Вам, надеюсь, старший майор госбезопасности Недопашный, зам. этого полупокойника Палисадникова и такой же сadyга.

Советую Вам прислушаться к звукам, доносящимся из этой квартиры. Происшедшее там к нашим с Вами спорам никак не относится – это просто еще один мой скромный вклад в дело очищения мира от всякой мрази.

С уважением,
ваш В. В.

Да, про старшего майора Недопашного Васильцев был наслышан, о его жестокости ходили легенды. И напротив действительно была 48 я квартира.

Юрий прислушался и понял, что это он уже слышал некоторое время, просто не придавал значения, – собачий лай, а также женский вой и причитания, из которых теперь можно было разобрать только два слова, одно – непонятное – «Ингусик», зато другое – куда более понятное: «Убили!»

А мгновение спустя входная дверь подъезда хлопнула и по лестнице загрохотали сапоги.

Юрий решил было, что это – за ним, и сунул руку в карман за пистолетом, но несколько человек в форме НКВД не обратили на него ни малейшего внимания и сразу ворвались в эту самую сорок восьмую.

Махнув удостоверением капитана Блинова, Юрий вмиг очутился там рядом с ними.

В прихожей на полу лежал старший майор Недопашный с перегрызенным горлом. В момент смерти он явно одевался к выходу: галифе и форменный мундир были уже на нем, а шинель валялась рядом. Все вещи были густо залиты кровью.

Здоровенный волкодав размером с теленка был привязан поводком к двери уборной, но все еще рвался к распластанному телу старшего майора, заходясь злобным лаем.

Толстая деваха, видимо дочка усопшего, уже малость придя в себя, сбивчиво объясняла:

– Он, папа, даже шинель не успел надеть... Ингусик! Он ведь всегда добрым был, а его теперь наверно...

Было не очень ясно, кого ей жальче, отца или этого самого Ингусика, безусловно, теперь обреченного на казнь.

– Он же, Ингусик, у нас – еще когда папа нач. лагеря служил! – всхлипывала она. – Я с ним – с детства. Добрый, ласковый... (Да уж, представлял себе Юрий этих «добрых» и «ласковых» лагерных псов людоедов!) А тут – как с цепи сорвался! И сразу – к папочке... Прямо за горло!.. – Опять запричитала: – Папочка!.. Ингусик!..

– Ясно, – заключил лейтенант, старший из пришедших, – сбесилась собачка ваша. Теперь ничего не поделаешь, надо ее...

– Не надо! – воскликнула дева. – Он столько эков изловил! Всех насмерть загрыз, гадов! Он – заслуженный, не надо его!

– Здесь кончать будем? – не слушая ее, спросил другой из пришедших, доставая из кобуры пистолет, но старший на него прикрикнул:

– А ну убери свою пушку! Еще чего – в доме пальбу устраивать! А вы, девушка, намордник бы на собачку свою надели, а то к ней и не подойдешь.

– Ингусик, Ингусик!.. – запричитала девица, надевая намордник на пса.

– А со старшим майором что? – спросил лейтенант.

Сержант, склонившись, пощупал пульс лежащего.

– Да что? Всё со старшим майором, – сказал он. – Пса бы надо – поскорей; где бы только?

– Ведите к нам, – подумав, скомандовал лейтенант. – Там, в расстрельном дворе, и – того.

Юрию нисколько не было жаль обоих – ни людоеда пса, ни его покойного хозяина, еще большего, судя по всему, людоеда.

Два сержанта отвязали пса и повели его к выходу. Ингус шел на казнь твердо, с чувством выполненного долга, как какой-нибудь народоволец. Вслед за ним другие два сержанта вынесли труп старшего майора. На полу осталась только окровавленная шинель.

Эта шинель с самого начала показалась Юрию подозрительной. Точнее, не сама шинель, а запах, от нее исходивший. Еще раз принюхавшись, он наконец понял, что это: запах лагерной вошебойки. Там, в лагерях, робы эков пропаривают от вшей в каком-то снадобье. А тамошние псы с младенческого возраста обучены рвать в клочья любого, от кого исходит подобный запах. При этом сотрудники вне опасности: от их шинелей такого запаха нет.

Оставшись наедине с рыдающей (очевидно, все же по обреченному Ингусу) дочерью старшего майора, Юрий спросил у нее:

– Давно у вашего отца эта шинель?

– Только что справил, – отозвалась она сквозь слезы, – месяца не прошло. – И снова за свое: – Ингусик, Ингусик!.. Бедный Ингусик!..

Васильцев перебил ее:

– В доме с тех пор посторонних не было? Я имею в виду – с тех пор, как он эту шинель себе справил.

– Нет, у нас дома никогда никого не бывает.

– Ну, хотя бы родственники.

– Нет у нас никаких родственников... Один вот Ингусик был!..

– А выходил отец в этой шинели куда-нибудь?

– Только один раз. В бильярдную... – и опять, опять про своего Ингусика.

Юрий слушать не стал – вышел из квартиры. Ему все уже было ясно.

Все было обставлено до гениальности просто. Некто (а уж Юрий то не сомневался – кто) пробрался в эту самую бильярдную и сделал свое дело – посыпал шинель вошебойным веществом. С этого момента старший майор был обречен. Васильцев даже начал проникаться некоторым уважением к изобретательности этого сына палача.

Но вот что было странно: тот всерьез ступил на путь войны не с простыми преступниками, а с преступниками от власти, то есть с самой системой, и это означало, что тех давних предписаний и традиций Тайного Суда для него больше не существует.

Теперь даже он, Юрий, не понимал истинных целей его действий, и тем труднее было представить, чего от него нынче можно ожидать.

Глава 9

Сов. секретно (Продолжение)

Старик Вяземский, вернувшись с балета «Красный мак» с несравненной Екатериной Гельцер в главной роли, уселся писать аналитическую записку:

Народному комиссару НКВД СССР

(Сов. секретно, в 1 экз.)

...а также подвергнув анализу все случаи смерти крупных работников НКВД за минувший год, я пришел к неожиданному выводу...

Писать было лень: перед глазами все еще танцевала китаяночка Тао Хоа в исполнении бесподобной Екатерины Васильевны. Отложив ручку, Вяземский задумался.

А ведь мог бы при желании и в больших чинах нынче ходить, уж никак не ниже какогонибудь старшего майора, а то и комиссара. При его то нужности ведомству, в котором служил все тем же аналитиком еще со времен Феликса Эдмундовича! А до того – тем же аналитиком – в царской охране, в самом Третьем отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Но и при Советах никто этого ему не ставил в вину, потому что без хорошего аналитика любое подобное ведомство слепо и глухо.

Да и чины то предлагали, очень даже предлагали. Но он упорно отказывался. Вон сколько их, всяких чинов, перестреляли и при Менжинском, и при Ягоде, и при Ежове, и при нынешнем мегреле, а он, Вяземский, жив здоров, несмотря на свои восемьдесят, да еще с каким изрядным хвостищем!

Правда, сегодня слегка позавидовал, когда один старший майор, всех растолкав, прошагал с букетиком в грим уборную к Екатерине Васильевне и оставался там, сукин сын, довольно долго. А ведь он, Вяземский, при желании мог бы уже и ромбы комиссара 3 го ранга в петлицах иметь, а то, глядишь, и 2 го, – ну ка, обойди его тогда какой то майоришка, пускай даже старший!

Но это было так, минутное. Да и не тот возраст уже! О здоровье больше думать надо.

Вот опять засосало. Он знал – это диабет начинающийся, надо съесть чтонибудь сладкое, да только, вот беда, вовремя не позаботился, теперь в доме ничего такого нет...

«Ан есть!» – вспомнил он. Сегодня в театральном буфете какой то юный хлыщ угостил пирожным, а он тогда сладкого не хотел, завернул пирожное, положил в карман. Вот оно! Сейчас то и пригодится.

Старик Вяземский откусил от пирожного небольшой кусочек (больше было нельзя), остальное спрятал до другого раза и принялся за дело, уже не отвлекаясь. Ему даже не надо было заглядывать в соответствующие справки – все подробности держал в памяти. Несмотря на возраст, память его никогда еще не подводила.

Итак:

Тем или иным путем ушли из жизни все, кто хоть в какой то мере занимался делом т. н. Тайного Суда, притом причины этих смертей совершенно различны и выглядят случайными. Так:

- капитан госбезопасности Сабонеев – застрелился якобы из за несчастной любви;
- комиссар 3 го ранга Палисадников внезапно ослеп. С горя в тот же день застрелился;
- майор Похмельных – убит сосулькой, упавшей с крыши;
- старший майор Недопашный – растерзан собственным взбесившимся псом;
- лейтенант Ройзман – отравился грибами;
- лейтенант Пуринш – убит электрическим током при вкручивании электролампочки;
- майор Гомельский – погиб при пожаре своей дачи;
- старший лейтенант Грамматикопполо – скончался от укуса самки скорпиона во время командировки в Туркмению;
- старший майор Мурманидзе – укушен домашней кошкой, в результате чего – мучительная смерть от бешенства;
- майор Любомудров – смерть от перегрева в бане у себя на даче;
- старший майор Висляков – умер, сорвавшись с крыши, на которую взобрался в припадке сомнамбулизма (как выяснилось, свойственного ему с детства);
- наконец, капитан Жумайло скончался от прямого попадания шаровой молнии (!!!).

Этот печальный мартиролог можно было бы и продолжить. Но главное то, что за смертью каждого просматривается некая длинная цепь. Прослеживание этих цепочек дает основание думать, что каждая смерть вовсе не была случайной.

Хочу упомянуть еще об одном обстоятельстве: все вышеперечисленные сотрудники НКВД были так или иначе связаны с проектом «Невидимка», нынче закрытым. Впрочем, вполне допускаю, что тут мы имеем дело лишь с совпадением, других объяснений лично я не нахожу.

Добавлю: при учете всего, что нам известно, ни троцкисты, ни замаскированные бело-гвардейцы, ни зарубежная разведка тут ни при чем.

Смею высказать предположение...

Диабетическое сосание под ложечкой после того, как укусил пирожное, прошло, но теперь боль вдруг началась сразу во многих местах – и в селезенке, и в почках, и в мошонке, и в печени. И ноги начали стынуть от колен до мизинцев, он уже их почти не чувствовал.

Может, и не стоило есть это пирожное? Беда с ними, с этими пирожными! Вон, Менжинский Вячеслав Рудольфович, какое то пирожное съев, вскорости в иной мир и отошел (ну, тут ясно: Генриха Ягоды проделки), и Надежда Крупская напрасно торт, присланный из Кремля, кушала на своих именинах, не говоря уж о профессоре Бехтерева, тоже в театре пирожное отведавшем. Ну, тут уж вообще все ясно, если вспомнить, что и о ком этот профессор болтал.

Вспомнил он наконец и того, кто его этим пирожным в театральном буфете угостил. С виду пацан пацаном, хотя с манерами. «Милостивый государь, позвольте вам предложить... Вам, вижу, сейчас для здоровья надо». Неужто откуда то знал про его диабет?

Откуда?

Почему тогда не насторожился?

А потому, видимо, что поддался на эти манеры, давно «милостивым государем» никто не величал.

А может, все это лишь пустая подозрительность – уж в таком ведомстве служишь, что каждого начинаешь подозревать. Да и боль вроде бы начинает униматься...

Только вот ноги, ноги... Настолько бесчувственные, что будто их вовсе нет. И пальцы от них будто отвалились...

Надо бы в постель лечь. Только вот записку эту аналитическую закончить – и лечь.

На чем бишь там остановился?..

Вот! «Смею высказать предположение...»

И в печенку опять стало отдавать, да и сердчишко что то запрыгало, ох как запрыгало!..

«Предположение...» Гм, а какое, собственно, предположение?..

Ах да...

...что в стране действует некая сила, неизвестная нам. Неизвестны также и ее конечные цели. Некая изошренная, хорошо законспирированная орга...

На этом месте рука почти полностью отнялась, и после букв «орга» перо само по себе поползло по бумаге куда то вбок.

Последняя мысль старика Вяземского перед тем, как он, бездыханный, свалился со стула на пол, была: «Какая глупость, и надо же было есть это пиро...»

* * *

Народному комиссару НКВД СССР
(Сов. секретно, в 1 экз.)

...сообщить, что отслеживаемый нашей группой объект, судя по многим признакам, действительно является сыном погибшего при странных обстоятельствах Викентия Непомнящего, причастного к некоему Тайному Суду, ныне ликвидированному.

До вчерашнего дня объект (17,5 лет от роду) ночевал на сеновале заброшенного дома. Когда же я дал приказ его брать, он, проявив неожиданную ловкость и свалив двух сержантов (один до сих пор лежит в больнице в бессознательном состоянии), ушел.

Его нынешнее местонахождение пока неизвестно, но на поиски брошены мои лучшие силы, и я уверен, что в ближайшее же время...

Ст. лейтенант госбезопасности Шепотков

– Уверен он! – Надвигавшееся на Шепоткова лицо в пенсне искажала лютая злоба, и это казалось старшему лейтенанту самым страшным из всего, что сейчас над ним творили. – Он, понимаешь ли, гад, – уверен!..

Опять из каких то неведомых бездн выплывал этот чертов Тайный Суд, с которым, казалось, было навсегда покончено; это приводило народного комиссара в особое неистовство. Тут еще и старика Вяземского кто то убрал, при вскрытии нашли яд. И последняя фраза его: «...изошренная, хорошо законспирированная орга...»

Уж наверно изошренная, если у них семнадцатилетний пацан выделяет эдакое!

Лаврентий Павлович, как и покойный Вяземский, слыл большим любителем балета, и эти двое, что крушили сейчас ногами ребра Шепоткову, тоже, видать, когда то танцевали в балете, больно ноги у них были сноровистые и крепкие. И так и сяк извивался Шепотков под ударами этих ног, но ускользнуть от них все равно не мог и получал то в печень, то в селезенку, то в самое что ни на есть причинное место. И когда мир померк в глазах, он, уже больше не изворачиваясь от балерунов, ибо не имел на то сил, снова услышал:

– А то – уверен, понимаете ли, он...

Один из ногастых пнул напоследок уже не шевелившееся тело, бывшее недавно старшим лейтенантом государственной безопасности Шепотковым, и спросил:

– Куда его?

Ответ народного комиссара принес даже некоторое облегчение, ибо Шепотков понял, что бить его, во всяком случае, больше не будут.

Поскольку ответ этот был:

– В расход.

* * *

Два сержанта госбезопасности сидели за столом и вели беседу.

– Нет, ты как хочешь, Сундуков, а что то нечистое в воздухе. Не считая старшего майора Недопашного, еще двоих из нашего подотдела за одну неделю похоронили.

– Ты мне давай ка, Ухов, без этих настроений! За что пьем? За Ленинский коммунистический субботник. Вот за него еще раз и выпьем. А все, о чем говоришь, – так сам знаешь: несчастные случаи.

– Да ладно, Сундуков! Мы же с тобой сейчас только вдвоем; так вот, скажу я тебе: знаю я эти «несчастные»...

– А что? С Сугубовым все чисто: самовозгорание. И с Матюговым ясно: шаровая молния – научно изученный феномен природы. Наши до такого ни шиша бы не додумались – кишка тонка. А Висляков – так он с детства лунатиком был, вот во время лунатизма с крыши и сверзился. Ну а капитана Чеснокова мы же сами с тобой проследили, что он с этой француженкой

несанкционированно путался, вот он себе пулю в лоб и пустил, когда все узналось. Да и многие бы пустили на его месте.

– Оно пожалуй... Но Чесноков – опытный разведчик, так бы его и проследили с этой француженкой, если б ты наколку не получил. От кого, интересно?

– От Невидимки.

– От кого?!

– Ну, он так себя назвал: Невидимка я, говорит. Наколочку по телефону дал, и все, положил трубку.

– Видишь – получается, кто то подстроил. И с Висляковым – уж не знаю как, – но душой чую: тоже кем то подстроено. И с Недопашным. Такая лютая смерть. От собственной собаки! Просто мор какой то на наш подотдел. И все с тех пор, как мы занялись тем пацаненком.

– М да, пацаненок тот еще! Хрен знает, кто его такому научил, но ловкий как дьяволенок!

– Слушай, а может, он?..

– Что?..

– Ну, он самый Невидимка и есть?

– Может, и он... Только не нашего это ума, лучше в ту сторону не лезть. Вон, лейтенант Шепотков полез – и где он теперь, лейтенант Шепотков?

– Известно где. В расходе.

– То то!.. Ты лучше вон на горячее налегай, а то, смотрю, мы уже по третьей, а ты ни х... не закусываешь.

– Горячее – это можно... Только хочешь верь, хочешь не верь, а нечистое что то творится, точно леший поблизости колобродит.

– Ну ну! Ты мне эти поповские штучки брось! Ишь, лешие с чертями ему уже мерещатся! Давай ка мы с тобой лучше... Твое здоровье, друг Сундуков!

– И твое, друже Ухов!.. Грибочки, грибочки, вон еще. И селедочка... Пасха, кстати, недавно... Закусывай, закусывай, все лучше, чем всякую ...ню пороть...

* * *

И.о. начальника 5 го подотдела
Капитану госбезопасности Огурцову
(Сов. секретно)

...что по Вашему заданию сразу после Ленинского коммунистического субботника вступил в разговор с сержантом Сундуковым на предмет установления его возможной причастности к смертям, постигшим подотдел.

Однако сержант Сундуков к разговору видимого интереса не проявил, хотя вполне допускаю, что просто умело маскировал свою заинтересованность.

Помимо сказанного сообщаю, что тот же сержант Сундуков неизвестно из каких средств приобрел себе дачу на Пахре, записав ее на имя двоюродной сестры, а также, имея законную жену, на прошлой неделе, используя служебное положение, вступал в интимные отношения с подавальщицей из 2 й спецстоловой НКВД Перепелкиной, о чем хвастался неоднократно среди сослуживцев.

А также в день Ленинского коммунистического субботника крестился, поминал чертей и пил за религиозную Пасху.

Сержант Ухов

И.о. начальника 5 го подотдела
Капитану госбезопасности Огурцову

(Сов. секретно)

...что в застольной беседе, происходившей вчера у меня на дому, сержантом Уховым высказывались всякие странные предположения и намеки в связи с недавней гибелью сотрудников нашего подотдела. Диктофонную запись разговора прилагаю. (Прошу простить за некоторые нецензурные выражения, использованные мной в целях конспирации.)

Не могу также не сообщить, что сержант Ухов дважды оставался на ночь у машинистки из 6 го управления Дарьи Водостоковой и один раз у машинистки из того же управления Феклы Щур.

(«А что еще и с тещей, кажись, сожительствует – это уж мы для следующего раза прибережем».)

...а третьего дня в ответ на заданный мною напрямую вопрос, скоро ли, по его мнению, наступит мировой коммунизм, будучи в сильно нетрезвом виде, сказал: "... с ним, все равно мы с тобой не доживем".

Сержант Сундуков

* * *

По телефону спецсвязи.

– Товарищ народный комиссар!

– А, Огурцов? Ну, что тебе? Не ори только.

– Товарищ народный комиссар, я про этого, про Невидимку. Что, если создать спецгруппу по розыску?

– (После молчания.) Занимайся своими делами, Огурцов, для других дел тут другие найдутся.

– Понял, товарищ народный... – Но в трубке уже раздавались гудки.

«Еще чего! Невидимку ему, вишь, подавай! – подумал народный комиссар, положив трубку. – Невидимка не тебе одному, дураку, нужен. Эх, знать бы только, где этот Невидимка сейчас!...»

А про капитана Огурцова подумал: «Ну вот, и этот спекся. А все почему? Лезет не в свои дела. Говорили же ему, дуболому: меньше знаешь – дольше живешь. Теперь и с ним надо решать. Ну да ладно, это дело нетрудное...»

* * *

По телефону спецсвязи.

– Слушаю! Капитан Огурцов!

– Вольно, капитан.

– Молоды вы еще, чтобы так со мной! Кто вас допустил до спецсвязи?

– Не рычите так, капитан, я этого не люблю. И давайте ка без лишних вопросов. Предлагаю перейти к делу.

– А с кем, собственно, имею честь?

– Честь ты имеешь, капитан, – с тем, про кого только что говорил с наркомом госбезопасности.

(«Откуда он знает?!»)

- Гм... Товарищ... товарищ Невидимка?..
- Догадливый – это хорошо. Плохо только, что не сразу догадливый.
- («Однако же, у этого Невидимки и манеры!»)
- (Осторожно.) Все таки молоды вы, по моему, чтобы вот так вот со мной. Я, между прочим, капитан государственной безопасности.
- (Насмешливо.) Тогда за нашу госбезопасность можно не волноваться, когда у нее такие капитаны... Или все таки помощь нужна?
- Какого рода помощь вы, собственно, имеете в виду?
- Мало ли... Вы вон, например, звание майора получить желаете. А тут прибывает один хмырь из за границы. Нелегально, между прочим, прибывает. Люцифером зовут. Схватите – вот вам и ромбик майорский в петлицу.
- Вам известны какие то подробности?
- Глупые вопросы изволите задавать, капитан.
- (С трудом проглотив.) Гм... Как будем поддерживать связь?
- Это вы, капитан Огурцов, лучше с Эльвирой Семеновной связь поддерживайте, да поаккуратнее.
- («Вот же черт! Про все то этот засранец знает! Даже, оказывается, про его, Огурцова, интимную связь с женой старшего майора Бубихина, с Эльвирой, о чем и на самых верхах едва ли ведали!»)
- Гм... Однако вы какнибудь отчитываться думаете?
- Это перед кем, перед вами то?
- Ну... я ведь тоже должен быть в курсе... Тоже отчитываюсь перед вышестоящими...
- Не торопитесь, Огурцов, успеете еще, отчитаетесь. Перед очень вышестоящим.
- Вы имеете в виду – перед Петром Евгеньичем?
- Низко берете. Перед Петром – да только, боюсь, перед другим. Уж перед ним то – хе хе! – с отчетом не оплошайте!
- Отбой.

...Потом уже, схваченный за несанкционированную связь с врагом и прошедший через многие муки, стоя перед изрытой пулями стеной в ожидании, когда эта стена выпустит сквозь себя и его простреленную душу, он, бывший капитан государственной безопасности, а нынче – теперь уже ненадолго – просто з/к Огурцов, вспомнит тот недавний разговор по телефону и тогда поймет про самого высокостоящего, про небесного привратника Петра, перед которым, похоже, очень скоро ему держать отчет и который тогда взвесит все его грехи, ведомые и неведомые...

* * *

Майор Н. Н. Николаев возвращался с рыбалки, погруженный в свои мысли.

Собственно, никакой рыбалки и не было, просто возникла острая необходимость поговорить с майором А. А. Антоновым и старшим майором П. П. Петровым вне лубянского здания, где, как и в их квартирах, каждый закуток прослушивался. Ну а рыбы на всю троицу наловил секретный сотрудник П. П. Петрова, мастер и любитель этого дела, так что все возвращались домой не без улова, и сейчас, сидя в машине, он, Н. Н. Николаев, еще и еще раз мысленно возвращался к тому пасьянсу, который они втроем вроде бы кое как сложили.

Итак, Викентий, сын палача, похитил у Кати и Васильцева какую то девчушку, дочь раскулаченных, которую они привезли с собой из за Урала, и теперь, шантажируя их, навязал какое то жесткое состязание. Жертвами именно этого состязания и стали комиссар 3 го ранга Палисадников и старший майор Недопашный, причем расправился с обоими, судя по всему, именно этот недоросль, палачонок.

Да как умело, с каким блеском все провернул!

Вот эта его умелость и была той дыркой в сложенном вроде бы пасьянсе, которая сейчас заботила майора Н. Н. Николаева: где мог получить такие навыки этот юнец? Работа подлинного профессионала! Пожалуй, даже им троим, собравшимся на эту рыбалку, не уступал в профессионализме.

Уж на что асы Антонов с Петровым! Это Антонов придумал и провернул в одиночку то устранение капитана Жумайло при помощи шаровой молнии. Тоже, конечно, работа настоящего мастера.

Но, пардон, Антонов шесть лет под крылом у самого Судоплатова работал, так что, можно сказать, прошел все мыслимые академии.

И Петров ловко тогда придумал: и с самкой скорпиона, и с бешеной кошкой все вышло настолько естественно, что никто даже расследования не начинал. Не говоря уж о «самовозгорании». Тут не только опыт, тут еще и остроумие: мол, сам сгорел, поганец. Считайте, кара небесная.

Но Петров – вообще человек легенда, у него столько всякого за плечами!.. Не зря на груди два ордена Красного Знамени – один за устранение в Париже японского военного атташе, другой за мадридские дела. А если все его подвиги посчитать, так мог бы всю грудь этими орденами завесить.

Да он и сам, Н. Н. Николаев, не лыком шит, через многое довелось пройти...

Но чтобы какой то желторотый юнец так чисто сработал!.. Нет, что то тут было явно не так...

Вдруг он подумал: а что, если этот юнец – из тех «невидимок»?..

Слухи о том, что якобы кто то уцелевший из «невидимок» и сейчас колобродит где то около, нет нет да и передавались на Лубянке тихим шепотом из уст в уста, но майор до сей поры считал все эти слухи беспочвенными. Он знал, что после закрытия того проекта всех «невидимок» ликвидировали, как и всех тех, кто этот проект вел.

Или, может, палач Викентий старший, наставник этого палачонка, был причастен к тому проекту и чему то обучил своего сынка?..

Нет, не могло такого быть! Проект был сверхсекретным, вели его люди сверхпроверенные, никакой Викентий Непомнящий просочиться туда не смог бы...

Вот эта самая дыра в пасьянсе и не давала покоя всю дорогу до дома майору Н. Н. Николаеву.

Впрочем, уже на подъезде к своему дому он, Н. Н. Николаев, эти мысли оставил, потому что надо было решать задачу более близкого плана, а ее решение вся троица поручила именно ему.

В Москву то ли уже прибыл, то ли должен был прибыть со дня на день сам Люцифер, террорист и убийца международного уровня, так что и Васильцеву, и этому Викентию в ближайшее время предстоит нешуточная схватка. Люцифер – это вам не комиссар Палисадников и не старший майор Недопашный. Совсем другой уровень!

Самому отследить и устранить Люцифера?..

Нет, не пойдет. Для отслеживания этого дьявола придется задействовать своих людей, и нет никаких гарантий, что кто нибудь из них не доложит обо всем лично наркому Берия. Даже наверняка кто то доложит. И тогда у наркома сразу возникнут вопросы – откуда, мол, майору Н. Н. Николаеву известна информация, переданная ему, и только ему, народному комиссару, лично?

Максимум, на что можно было пойти, это предупредить Васильцева о появлении Люцифера – пускай уж дальше действует сам.

Неплохо изучив Васильцева, он, Н. Н. Николаев, верил, что тому удастся сладить с этим сатаной. Пусть Васильцеву ангел с небес нашепчет, усмехнувшись, подумал майор. Благо, и Васильцев, и Катя с некоторых пор знают, что у них имеется свой собственный ангел хранитель.

Ангел Митенька!

– Рыбку то, рыбку забыли, товарищ майор! – крикнул водитель, когда он уже выходил из машины.

«Забывчивость – признак старости, – подумал Н. Н. Николаев, забирая у него садок с рыбой. – Ну да ничего, глядишь, повоюем еще!»

Глава 10

Стопами апостолов (Продолжение)

После исчезновения с Сухаревки Васильцева (будучи членом Тайного Суда, тот переехал на более комфортабельную квартиру в центре города) исчез оттуда и мазурик Федька Федуло: некого ему было теперь подстраховывать, следя из за своего котла.

Другие мазурики вернее всего решили, что помер Федуло. Вряд ли долго сокрушались...

Да он и вправду помер, Федька Федуло – в ухо надуло, не было такого больше на земле. А был теперь чистенько одетый Викентий Викентиевич Непомнящий, проживающий в четырехкомнатной квартире на Мясницкой, сходства с тем Федькой Федулой почти не имеющий. Этот Викентий Непомнящий трудился с утра до вечера, силясь постичь школьные премудрости, не доставшиеся ему в бытность тем самым чумазым Федькой Федулой. В особенности налегал на математику. Трудная была наука!

Теперь даже того очкастого Васильцева зауважал больше, чем прежде. Надо же! Настоящий математик! По собственному желанию эту математику превзошел! С головой, стало быть, мужик.

Викентий Иванович учил другому, многому – и как одному, без оружия отбиться от шестерых, и как от слежки уходить, и как самому осуществлять слежку. Ученик платил за то учителю апостольским терпением и за год осилил то, что иному и за пять лет не превозмочь.

Однажды вечером Викентий Иванович вернулся домой мрачнее тучи, таким его Викентий младший прежде не видел никогда.

Чай пили в полном безмолвии, младший Викентий чувствовал, что сейчас лучше не встречать. Наконец Викентий Иванович сам начал разговор. Оказывается, у Тайного Суда появился новый, по настоящему могущественный враг.

Спросил:

– Как по твоему, какая сила властвовала над людьми со времени возникновения человечества, что заставляло людей истреблять себе подобных, сметать с лица земли царства, империи, целые цивилизации?

– Жадность, наверное, – предположил Викентий младший.

Но Викентий Иванович покачал головой:

– Нет, жадность появилась позже. А предшественник ее – величайший из всех земных владык. И имя ему – Голод. Он сильнее всех полководцев и древнее всех земных царств.

Бывший Федуло вспомнил недавний голод в стране, когда всю солому с крыш объели, а потом и люди людей стали есть. В тот голод он и родителей схоронил, а сам – в Москву, мазуриком, чтобы тоже с голодухи не сдохнуть.

– Тогда, – сказал он, – большевики и НКВД – все равно самые сильные на земле: такой голодухи, как при них, наверно, давно уже не было.

– Потому они и смели огромную империю, – согласился Викентий Иванович. – Но только, уверен, эта победа недолгая, если мерить в исторических масштабах. Когданибудь люди будут

жить сытнее – и их тоже сметут. Царь Голод им неподвластен, это лишь временный союз. Да, временно у них общая армия, но подчиняется она, поверь мне, не Ворошилову и Тимошенко.

– Вы – про Красную армию? – спросил младший Викентий.

– Я – про куда более многочисленную армию, чем любая РККА, – ответил Викентий Иванович, – про армию, существующую повсеместно. Я – про армию нищих.

– Но что они могут, нищие, без пушек, без пулеметов, без аэропланов?

– О, если только пожелают – могут они очень многое! И никакие пушки с аэропланами им не нужны. Иное дело, что на это необходимо решение их земного владыки.

– У них и владыка есть?

– А как же! Династия их владык самая древняя, древнее Египта и Вавилона, поскольку нищие существовали на земле всегда. И сейчас ими правит очередной король нищих, имя его Лука, и могущество его почти безгранично... Я говорю «почти», ибо существует еще одна сила, столь же древняя, поскольку лишь она может утолить голод нищих.

Викентий младший посмотрел на него вопросительно.

– Я имею в виду помойки, – объяснил Викентий Иванович. – Да, да, помойки, которые, как и голод, существовали и существуют всегда и везде на земле. Порой они были единственным спасением нищих от голодной смерти... (уж кому кому, а бывшему Федуде то мог бы этого и не объяснять; без помоек все мазурики давно бы перемёрли). Но помойки тоже не всегда могли оставаться без хозяина, – продолжал Викентий Иванович, – поэтому с некоторых пор возникла династия, такая же, видимо, древняя, как династия королей нищих. Это династия императоров помоек, и нынче ее возглавляет некий Фома. Вместе они представляют силищу, равной которой не было и нет.

– А от Тайного то Суда что им нужно? – нахмурился Викентий.

– То то и оно – пока это не ясно. Но одно нападение уже было, так что имей в виду, отныне мы пребываем на чрезвычайном положении, нужна ежесекундная бдительность. Те, с кем мы столкнулись, намного сильнее нас.

Младший Викентий долго молчал, прежде чем решился спросить:

– А вы сами их видели? Ну, тех короля с императором?

– Не только видел, – вздохнул Викентий Иванович, – но даже один раз привелось побывать в их логове, и такого там насмотрелся!.. Не приведи господь оказаться там еще раз!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.